

Карина Демина

Невеста

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Annotation

Война закончилась, но в мире нет мира. И Оден, бывший пленник королевы Мэб, получает свободу, а с ней — шанс умереть от рук разъяренной толпы, ведь железных псов ненавидят на землях лозы. Его спасение и единственная надежда выжить — Эйо, альва-полукровка. С ее помощью получится пройти по заповедным тропам, добраться до перевала и избавиться от метки королевы. Для Эйо, вынужденной скрываться от охотников за живым товаром, Оден — обуза. Но дорога, разделенная на двоих, многое меняет. И неудобный спутник становится близким человеком, без которого невозможно представить ни дом, ни саму жизнь.

Вот только многим союз альвы и железного пса покажется противоестественным.

Карина Демина
Невеста

* * *

Глава 1

Знакомство

Пса я подобрала на рыночной площади.

Зачем?

Не знаю. Не смогла пройти мимо. Нет, я собиралась, я ведь не сумасшедшая с ним связываться, но...

Он стоял у позорного столба. В каждом из городков, которые встречались на моем пути, хотя в последнее время я обходила городки стороной, имелась рыночная площадь. А на ней, помимо торговых рядов, полупустых по нынешнему времени, — обязательный позорный столб или клетка.

Обычно у меня получалось не замечать тех, кому не повезло: имелись дела и поважнее. Да и не видела я особой радости в том, чтобы швыряться в приговоренных грязью. Сочувствия, впрочем, тоже не испытывала. Люди пусть сами с людьми разбираются.

Но пес... как он здесь оказался?

Явно из бойцовых. Высокий. Я и сама не маленькая, но псу едва ли до подбородка буду. А люди рядом с ним и вовсе карликами выглядят, поэтому и держатся на расстоянии, спешат, делая вид, что не видят его.

Пес просто стоял и переминался с ноги на ногу, точно не понимал, где находится. Крутил лобастой башкой, и видно было, как раздуваются ноздри, вбирая смрад рынка. И что запахов слишком много, но среди них — ни одного знакомого. Его глаза гноились, и пес трогал их руками, а потом тер шею, раздирая и без того изъязвленный след от ошейника, касался волос, стриженных накоротко, и могу поклясться — поскуливал. Он был настолько жалок, что люди, прежде не посмевшие бы подойти близко, постепенно осознавали: вот он, слабый, беспомощный и никому не нужный.

Хорошая мишень.

Еще немного, и они осмелеют настолько, чтобы швырнуть в него грязью, благо грязи под ногами хватает. А чуть позже полетят гнилые овощи... и камни.

Кто-то, конечно, попытается остановить произвол, взывая к голосу разума, но его не услышат. Зато возможность отомстить, живая, явная, подтолкнет к единственному, как им кажется, верному решению. Слух о происходящем вытряхнет людей из нор и домов, приведет к площади, объединяя общей ненавистью, которую есть на кого выплеснуть.

Будут вилы. И косы. Возможно — костер, который разложат здесь же. Или не станут возиться с хворостом, плеснут на пса черного земляного масла и факел бросят. Он будет метаться, пока не напорется на вилы или, обессилев, не упадет, позволяя огню завершить то, что начали палачи королевы Мэб. Долгая и мучительная смерть в кругу, очерченном сталью.

Война, длившаяся больше четырех лет, окончена?

Да, здесь тоже слышали об этом.

И еще о том, что альвы оставили этот мир на растерзание детям Камня и Железа.

И что они сдержали клятву, отпустив всех пленных.

Королева Мэб любила шутить.

Что ж, как по мне, этот мир немного потерял с ее уходом. Но люди думали иначе, а быть может, и не думали вовсе, но желали лишь выместить на ком-то накопленные обиды и боль

от потерь.

Я не собиралась вмешиваться.

Какое мне дело до пса?

До альвов?

До людей?

До этого места, одного из многих, которые мне пришлось увидеть?

Затерянный городок, опоясанный речушкой, что почти заросла тиной. Остатки стены. Городские ворота и устье центральной улицы, которая за площадью разбивается на ручьи переулков. Дома стоят тесно и порой срастаются водостоками, поверх которых хозяйки вывешивают белье, чем выше, тем лучше.

Мирное местечко, сонное. И война вряд ли что-то переменяла в обычном его существовании.

Настоящего голода здесь не знали.

И болезни обошли городок стороной, впрочем, как и дороги, по которым расплзались беженцы и крысы. А что до остального, то статуя королевы Мэб, что возвышалась ныне перед дворцом бургомистра, сменится статуей Стального Короля. И этого хватит.

Впрочем, эмиссары еще не скоро доберутся до городка, и к этому времени прах несчастного пса успеет смешаться с грязью. Городская утроба и не такое переваривала. А жители, они забудут о том, что было, благоразумные ведь люди...

Стайка мальчишек, давно крутившаяся неподалеку, замерла в предвкушении, глядя на то, как вожак — самый крупный, самый наглый — приближается к псу. Шажок. Еще шажок... Вот что-то говорит, наверняка ласковое, потому что пес поворачивается к нему.

И получает тычок палкой.

Мальчишка отскакивает. Остальные хохочут.

Нет, Эйо, это не твоего ума дело. Иди куда собиралась и выброси из головы те глупые мысли, которые в ней сейчас появились.

Что меня остановило? Неловкий полудетский жест — пес пальцами собирал гной с глаз, моргая часто, точно из последних сил сдерживая слезы. А еще его взгляд. И растерянность в нем. И удивление. И глухая животная тоска: пес чувствовал, что скоро его не станет.

И я, проклиная себя за глупость, решила.

До позорного столба семь шагов. И еще один тычок палкой. Гаденьши примотали к ней нож, и острое взрезало серую хламиду и кожу, пустив кровь.

— Брысь! — сказала я, и мальчишка, осмелевший настолько, чтобы приблизиться к псу на расстояние вытянутой руки, замер. Он собирался ответить, дерзко, вызывающе, но увидел мои глаза.

Нет, я не альва, я только похожа, но вряд ли детям известны различия.

— Но это... — Мальчик опустил палку. — Это же...

— Это моя собака. Дай сюда.

Лезвие оказалось достаточно острым, чтобы перепилить веревку. Благо та была гнилой, а полагающейся по случаю таблички, которая бы разъясняла, за какие провинности положено наказание, поблизости не наблюдалось. Пса просто привязали, чтобы не убрел ненароком. Заботливые...

Он стоял, обнюхивая собственные ладони. И я не слышала в нем железа, ни живого, ни мертвого. Неужели до капли выплавили?

Ну да, иначе вряд ли бы веревка его удержала.

И люди не стали бы связываться.

На нас так старательно не обращали внимания, что я кожей ощущала, как уходит время. Город присматривался. И мне бы хотелось убраться отсюда прежде, чем он решит, что я не представляю опасности.

Взяв пса за руку — определенно бойцовский и очень хорошей крови, если на его ладони три моих уместить можно, — я сказала:

— Пойдем со мной.

Ногти содраны. Кожа в язвах... и отметины от ожогов тут же. Шрамов много, некоторые старые, побелевшие, другие розовые. Есть и открытые, свежие раны. Однако сами пальцы не сломаны. И лицо не изуродовано. Зубы посмотреть вряд ли позволит, но почему-то мне кажется, что и они целы.

Ему причиняли боль, но пытались сохранить более-менее целым?

Ладно, позже разберемся. Сейчас надо его с места сдвинуть.

— Пойдем. Я тебя не обижу.

Вряд ли он понимает смысл, но тон улавливать должен.

— Давай, мой хороший. Меня зовут Эйо. Радость. Это доброе имя, отец сам вырезал его на коре родового дерева...

...и запечатал собственной кровью, но спустя сутки имя исчезло.

Дерево не любило полукровок.

— Ты мне свое имя не скажешь, верно? Ничего страшного, главное, уйти отсюда. Найдем тихое местечко и поговорим. Ты и я.

Он слушал меня внимательно. И шел, слава лозе первозданной. Неловко, так, как ходят калеки или люди, слишком долго лишённые движения. А я думала, что даже сейчас он способен меня убить одним ударом лапы. И будь в здравом уме, убил бы.

Нас не пытались остановить. Шептались. Глядели вслед. И держались поодаль.

Повезло.

Площадь осталась позади. И улица, размытая вчерашним дождем. Стена. Ворота. Стражник, сунувшийся было наперерез. Я повернулась к нему и зашипела.

Отпрянул, свернув пальцы кукишем: наивная попытка защититься от проклятия.

За воротами — разъезженный и скрипучий мост через пересохший овраг. А там и дорога, с которой я благоразумно свернула. И уже на поле, заброшенном, поросшем молодым ивняком и высокой снытью, я позволила псу перевести дух.

— Устал? Это с непривычки. Долго тебя держали взаперти?

Не месяц и не два. Чтобы довести бойцового пса до такого состояния, нужно время и умение. Я слышала, что палачи ее величества весьма искусны, а времени, судя по всему, у них имелось с избытком.

— Хочешь пить?

Конечно, он хотел. Сколько он стоял на привязи? Час? Дольше? Местное солнце палило нещадно, даже у меня по спине струйки пота текли, что уж о нем говорить.

И воду почуял.

Подался вперед, потянулся к фляге, но отобрать не пытался. Поскуливал только.

— Подожди немного.

В последние недели я почти не тратилась, а фляга была невелика. Вода охотно отозвалась на просьбу. Разумеется, в чудо-зелье она не превратится — чудо-зелье вообще из

человеческих сказок родом, — но боль приглушит и силенок хоть сколько, да прибавит.

— Возьми. — Я вложила флягу в руки, помогла сжать пальцы и поднести к губам. — Осторожно. Не спеши. Я не буду забирать. Это все — тебе.

Он пил жадно, но все же сдерживая себя. Не давился. Не расплескивал воду. Знает цену?

Ну да, пытки бывают разными. Это я на своей шкуре усвоила.

Осушив флягу, пес перевернул ее и вытряхнул последние капли на язык. О том, когда он в последний раз ел, можно было и не спрашивать.

— Больше нет? Ничего. Сейчас мы пойдем в одно место, там воды много. Целый ручей. И еще заводь есть. Напьешься вдосталь.

А я заодно попробую тебя отмыть и посмотрю, что еще сделать можно.

Лес встретил меня прохладой и дружелюбным шелестом.

— Я вернулась, — сказала я ему, касаясь шершавого листа.

И молодой вяз затрепетал, делясь новостью с остальными: Эйо вернулась.

Это ненадолго.

Лес знал, что скоро я уйду, и печалился, роняя сухие серьги берез. Но у деревьев короткая память, и грустить подолгу они не умеют. Зато любопытны сверх меры. Тонкие ветки бересклета потянулись к моему спутнику, скользнули влажноватыми молодыми листочками по щеке и убрались.

...чужой... мертвый...

— Живой, — возразила я, крепче сжимая руку, хотя вырваться пес не пытался. Он шел по узкой тропе, почти след в след, и черная мошкара спешила на запах крови.

...мертвый.

Возможно, лес видел больше, чем я с моим осколком истинного дара, а быть может, ему просто хотелось, чтобы пес умер. Желательно здесь, в ложбине, укрытой прошлогодней листвой. Сквозь полог ее пробивалась трава, и серебристые стволы осин подымались колоннами к самому небу. Ветер дразнил деревья, и осины дрожали, перешептываясь.

...отдай. Здесь его не найдут.

Лес укроет тело надежно, опутает коконом корней, спрячет до весны и даже дольше. Пес большой, его надолго хватит. И старые деревья вновь наедятся досыта, чтобы через год или два пустить молодые побеги. Поросль схлестнется в схватке за место, солнце и остатки еды, и кто-то опять погибнет, чтобы стать пищей остальным.

Тот человек, который восторженно писал об альвах, называя источником их силы «чудесную магию самой жизни», явно предпочитал смотреть на листья. А корни, они ведь в земле, легко и не заметить.

...так надо.

Лес не оправдывается. И я знаю, что так надо, но пса не отдам.

...ему не будет больно.

— Отстань! — Я раздраженно хлопнула по кольчужному панцирю сосны. — Он просто измучен до крайности. Это же не повод, чтобы убивать.

И опять, зачем я спорила?

Оставить пса здесь, попросить прилечь и усыпить. Это я умею. А дальше лес и сам справится. Псу и вправду не будет больно, он умрет совершенно счастливым и... и, быть может, это наилучший вариант?

Милосердный в чем-то.

...слабый.

У леса своя логика. Слабые существуют для того, чтобы накормить сильных. И неважно, временная ли это слабость или врожденная, но в некоторые леса такой, как я, лучше не заглядывать. Нынешний же был слишком далеко от Холмов, и потому я чувствовала себя в полной безопасности.

И пса он не тронет. Тот брел за мной, отчетливо подволакивая левую ногу.

— Уже недалеко. Пришли почти.

Я устроилась в овраге с пологими склонами. Здесь было красиво: красная глина в решетке корней. Зеленая моховая грива. И толстое одеяло прошлогодней листвы. Деревья клонились друг к другу, почти соприкасаясь кронами, но не настолько, чтобы вовсе заслонить солнце. А по дну оврага пробирался ручей. Чуть ниже по течению вода собиралась в старой яме и была темной, кисловатой на вкус, но главное — в ней еще звучали отголоски силы. Я легко соскользнула, цепляясь за торчавшие из склона корни. Пес же попробовал пойти по моим следам, но оказалось, что он слишком тяжел и неуклюж.

Или слеп!

Как я сразу не поняла, что его чересчур долго держали в темноте. Он чуял овраг, воду, меня и поспешил. Споткнулся, полетел кувырком, по листве, по камням, под нею скрытым, а лес, пытаясь поймать законную добычу, торопился вытолкнуть острые ребра корней.

— Прекрати! — крикнула я лесу, который и не вздумал подчиниться.

На листьях остался кровавый след.

А пес, упав, лежал.

Живой. Я ведь чувствую, что живой, но сердце все равно колотится... Было бы кого жалеть, Эйо. Они-то небось тебя не пожалели бы. И не пожалеют, если найдут с этим.

Пес не шевелился. Замер, подтянув колени к груди, обняв руками. И голову в плечи вжал. Характерная поза. В лагере быстро учились принимать такую. Иногда помогало.

— Это я. Извини, что так получилось. Я не подумала, что ты не видишь. Ты цел?

Подходила я медленно, нарочно вороша сухие листья, чтобы он слышал голос. И сама же не спускала с него глаз. Если нападет, успею убраться.

Наверное.

— Ну, все хорошо? — Я положила руку на загривок. — Упал. Это бывает. Это не страшно. А лес, он не злой...

Бурые листья прилипли к хламиде, к рукам, к шее, к волосам, впитывая драгоценный дар свежей крови. Она останется в лесу платой за ласку. Я же гладила своего пса по спине, пытаясь понять, что с ним происходит.

Глупая Эйо снова переоценивает свои способности? Но паутинка аркана легла на плечи, и пес дернулся.

— Спокойно. Я просто посмотрю. Вдруг ты себе что-нибудь сломал?

Это вряд ли, конечно. Раны... и снова раны. И под ними тоже. Но это мелочи. Истощение? Странно было бы ждать иного. Мне не нравилось то, что я видела внутри пса: грузное, черное. Гной под пленкой молодой кожицы, та самая язва, что уходит в самую душу, и чем дальше, тем сильнее ее разъедает. А пес держится из последних сил, себя же калеча.

Он уже на грани. И я могу подтолкнуть.

Станет легче.

Вцепившись в его волосы, я дернула сколько сил было, запрокидывая голову.

А глаза не светло-серые, как показалось вначале, — бледно-голубые, того особого

оттенка, который лишь у чистокровных встречается. И зубы стиснул, давит всхлип.

Прости, но то, что я сделаю, нельзя сделать иным способом. Я провела по щеке, стирая грязь и кровь. Родинки... Точно, чистокровный, высших родов. И целым созвездием. Потом сосчитаю.

Я водила мизинцем от родинки к родинке, и пес успокаивался, чернота внутри оседала. Нет, нельзя ее оставлять.

— Дурак ты, — сказала я и ударила по губам. С размаху. Хлестко. Чтобы разбить, чтобы причинить боль той рукой, которая только что гладила.

И глаза его сделались почти белыми. Гной рванул и... вырвался. Он выходил со слезами, с судорожными всхлипами, с воем, который рвал мне душу.

— Плачь. — Я притянула его к себе, обняла как умела. Прижала тяжелую голову к плечу. — Прости меня... ну прости, пожалуйста. Я больше не буду так делать. Честно. Но надо было, чтобы ты заплакал.

Я раскачивалась, как делала мама, когда хотела меня убаюкать. Правда, я была маленькой, а пес — огромным, но он раскачивался вместе со мной, не делая попыток вырваться.

— Ты же давно не плакал? Что бы они ни творили... Мама мне говорила, что высшие — все гордецы... и упрямыцы... и слезы иногда нужны, чтобы легче стало. Здесь тебя никто не увидит, а я никому не скажу. Я и сама забуду. Да и ты вряд ли вспомнишь, но это тоже не страшно. Я кое-чего не помню и не буду пытаться вспомнить, потому что если забыла, то оно и к лучшему.

Я гладила его по жестким волосам, уговаривая отдать слезам все — боль, которую ему пришлось вынести, страх, стыд... мало ли что накопится в душе у того, кто вышел живым из-под Холмов.

Плачь, пес, плачь.

Я не знаю, что именно тебе пришлось пережить, но сама я научилась дышать заново, только отдав долг сердца слезами. Долго ли мы так сидели? Да и какая разница. В конце концов пес затих — внутри не осталось черноты. Душа выеденная, но без гноя, и если повезет — если очень-очень повезет, — то потихоньку зарубцуется.

— Прости, — еще раз попросила я, отпуская его. Сама же стерла слезы со щек и провела ладонью по лопнувшей губе. Здорово же я ее разбила...

— У меня... — Голос у пса оказался глухим, надтреснутым. — У меня есть невеста. Во всем мире не отыскать девушки прекраснее ее... Ее волосы мягки и душисты. Ее очи — бездонные озера, забравшие душу мою. Рот ее — россыпь жемчуга на лепестках розы. Стан ее тонок, а бедра круты...

Он улыбнулся счастливой улыбкой безумца. А я позавидовала псу: его хотя бы ждут.

Глава 2

Оден

В последний раз Оден плакал на похоронах матери.

Совсем еще щенок, и семи лет не исполнилось, такому простительны слезы. Но отец, положив тяжелую руку на плечо, сказал:

— Веди себя достойно, Оден. Какой пример ты брату подаешь?

Виттар, до того момента молчавший, — он был слишком мал, чтобы понять, что происходит, — и вправду зашмыгал носом. Обеими руками вцепился в куртку Одена.

— Слезы — удел слабых. Будь сильным, — повторил отец позже.

Те его слова помогли выжить пять лет спустя в Каменном логе, где рудные жилы подходили к самой поверхности земли, открываясь черными окнами, и близость живого железа, дикого, ярого, будоражила кровь.

Оден помнит бурую равнину, расшитую огненными реками, и утробный вой подземных горнов. Трещины, из которых выплескивалось пламя, и зов его — подойти, окунуться, очистить себя. Живое железо стремилось к материнской жиле. И всего-то надо было устоять.

Смирить себя и железо в себе.

Оно прорывалось, раздирая кожу шипами и иглами, складываясь причудливыми кольчужными узорами, меняя само тело, которое больше не принадлежало Одено. И, распластаный под тяжестью полной брони, он готов был разрыдаться от бессилия.

Ипостаси сменяли друг друга.

А кто-то совсем рядом выл от боли, отдирая прикипевшие к базальту ладони, неспособный справиться с силой рода. Врир выплясывал на белом камне. На руках его пузырилась кожа, сторала, а он, безумный, раздувал пламя. Оден пытался добраться до друга — тогда еще оставались друзья, — звал, полз, постепенно подымаясь на ноги, которые уже и не были ногами.

И железо прервало каскад перемен, заперев в новом обличье.

Изменившееся тело было слишком чужим. Тяжелым. Неподатливым. Оден путался в лапах и кричал. Но что его голос против того, который звучит внутри, призывая окунуться в черное окно?

Руда к руде.

Железо к железу.

Кровь к крови.

Врир, в последний миг словно очнувшийся, повернулся, протянул руки, которых уже не было — ошметки плоти на белых костях, — зарыдал. И слезы вскипели в глазах.

Удел слабых — умереть.

И каждый год в Каменном логе оставались те, кто неспособен был совладать с предвечным зовом. Иные же, переплавленные, пережженные, становились сильнее.

Два дня остывала подаренная рудой броня.

— Слезы — удел слабых, — сказал Оден брату, когда настал его черед. И пять дней не находил себе сна и покоя, терзаясь мыслью, что Виттар не выстоит.

Все злее становились рудные жилы, все большую цену брали с Великих родов.

И Оден паялился на родовой гобелен, опасаясь отвести взгляд хотя бы на мгновение, —

вдруг да погаснет тонкая золотая нить на нем, одна из двух, оставшихся от некогда великой жилы. Кусал губы. Давил страх.

Обошлось.

Тогда и шестью месяцами позже, в первом бою, когда стоял на скользком берегу реки, вжимаясь во влажный ил... Наплывал туман. С мерзким звуком рассыпалась земля, выпуская ловчие плети. Беззвучно разворачивались колючие гроздья разных цветов, чтобы в следующий миг лопнуть. Визжала сталь, взрезая доспех, впиваясь в деревянные щиты. И скользила под прикрытием дождя призрачная конница. Оден же слышал хриплое дыхание такого же, как сам, первогодка. И мерный рокот барабанов. Удары копыт. Удары сердца. Просто удары, гулом отзывавшиеся в теле. Живое железо защитило слабую плоть.

Визг лошади, грудью налетевшей на копьё. Она колотила копытами, норовя подмять Одена под себя, а он умирал от ужаса — вдруг да не выдержит доспех. Давился первой горячей кровью.

Рвал.

Полз, оставляя в тине глубокий след.

И откатывался по зову рога, когда вода стала серой: альвы пустили гниль.

Потом скулил, зализывая первые раны. И помогал хоронить мертвецов.

Привыкал.

Год за годом. Битва за битвой. Удар за ударом... сколько было? Вся жизнь до крепости Гримхольд и той ночи, когда дети лозы перешли реку. Туман предрассветный и зыбкие тени, неразличимые глазом. Запах тины, гнилостный, тяжелый. И понимание: не выстоять.

Снова страх — в Гримхольде гарнизон на две трети из щенков, только-только служить начавших. Они, еще недавно ощущавшие себя хозяевами мира, вдруг поняли, что умрут. А жить хотелось. Бежать. Лететь прочь, неважно куда, лишь бы не слышать шелеста листвы да заунывных напевов свирели. Дети тумана знали, как и когда ударить.

За стеной Гримхольда — Перевал. А дальше — долина, новорожденная жила, которую так легко убить, и Стальной Король, оставшийся, чтобы жилу привязать. Ему нужна была неделя. Три дня прошло. Осталось четыре.

И Оден приказал держаться. И держались.

Сколько смогли.

Умирали один за другим. Цеплялись за жизнь, но все равно уходили слишком быстро. И Оден решил запереть Перевал. Выложился до капли, но вытянул на поверхность ярую жилу.

Надеялся, что и его накроет, спрячет под потеками лавы и камнепадами. Хорошая смерть, о таких поют. Но уйти не получилось: живое железо не пожелало отпускать. И, лежа в луже собственной крови, слушая, как визжат и лопаются камни, не выдерживая жара, Оден жалел, что так и не дописал то письмо брату. Но не плакал.

...когда открыл глаза и увидел Норра, оруженосца, которому едва исполнилось пятнадцать весен, распятого на решетке.

...когда услышал, как поет живое железо, покидая жилы.

...когда оглох от крика того, кого клялся защищать.

...и когда сам занял его место.

...когда выл, пытаюсь освободиться, сторя и зная, что не сторит — не позволят.

...когда лишался остатков силы, капля за каплей, день за днем.

Долго ли? Долго. Наверное. Времени там не было, только глубина, сотканная из

темноты и боли. Собственное его падение, когда грядущая смерть уже видится наградой. Но слезы — удел слабых. И Оден держался.

Потом его вывели и сказали:

— Стой здесь.

Он ослеп и оглох. Ошалел от запахов. И растерялся. Ямы больше не было, как и железной решетки сверху, стражи и королевы Мэб, но и его тоже, такого, который смог бы уйти. Оден забыл, как ходить. И как искать дорогу.

Наверное, он все-таки умер бы, но кто-то, пахнувший серебром, вереском и медом, сказал:

— Пойдем со мной. — За руку взял. Пообещал: — Я тебя не обижу.

Куда-то повел. Дал воды — Оден не знал, что хочет пить. Говорил так, что Оден, не понимая слов, готов был слушать.

Эйо.

Радость.

Женщина, которая прикоснулась с нежностью, с лаской. А потом ударила. Не больно, бывало куда как хуже, но его опять обманули...

— Прости меня... ну прости, пожалуйста. — Она обняла, держала, убаюкивая, прижав к себе. — Я больше не буду так делать. Честно. Но надо было, чтобы ты заплакал.

Слезы — удел слабых. Но Оден рыдал, как щенок, впервые оставшийся без мамки.

— Прости. — Она отстранилась.

Дурманил запах серебра, вереска и меда.

...тумана.

Плесени.

Болота.

Холодного огня, который рождался на белых камнях сам собой. И сквозь его завесу проступало лицо королевы Мэб, совершенное в каждой своей черте.

Высокий лоб. Темные волосы, уложенные в замысловатую прическу. Корона Лоз и Терний. И четыре рубиновые капли на виске, оттеняющих белизну кожи. Глаза — чистая зелень Холмов.

Алые губы.

— Ты еще жив, пес? — Ледяные пальцы касаются шеи, скользят, и серебряные чехлы для ногтей вспарывают кожу. Королева Мэб подставляет под красный ручеек руку. — Ты жив, потому что я добра.

В ее глазах нет доброты. Впрочем, в них нет и гнева или отвращения. Ненависти. Страх. Сомнений. Радости. Тоски. Обиды. Ничего. Зеленое стекло в оправе раскосых глазниц.

— От тебя отказались, пес. — Она подносит ладонь к губам. — Я не просила много, но за тебя не дали и малости...

Ложь. Если бы так — убила бы.

— Ты не нужен своему королю. — Острый язычок касается мизинца, скользит по серебряному плетению, бирюзовым вставкам, синим искрам сапфиров, очищая их от крови. — Ты не нужен своей семье.

Ложь.

— Так скажи, — королева Мэб жмурится от удовольствия — кровь вкусна, — зачем мне оставлять тебя в живых?

Она знает ответ, она слышала его тысячу раз, а возможно, и больше, но ей не надоело спрашивать. И раскаленное железо, мертвое, забывшее о родстве, подкрепляет просьбу.

— У меня... — Оден вдруг понял, что способен говорить. Не кричать, не выть, не скулить, но произносить слова, пусть бы те самые, которые он повторял там, под Холмами. — У меня есть невеста. Во всем мире не отыскать девушки прекраснее ее... Ее волосы мягки и душисты. Ее очи — бездонные озера, забравшие душу мою. Рот ее — россыпь жемчуга на лепестках розы. Стан ее тонок, а бедра круты...

— А у меня брат... — ответили Одenu. — Только я не уверена, захочет ли он меня видеть.

И у него.

Брат есть. Дом. Жизнь. Уже много.

Зачем она руку убрала? Рядом же стоит. Оден чувствует запах, тот самый, серебра, вереска и меда.

Еще смолы. Свежей древесины. Листьев. Прели. Близкой воды. И того железа, которое способно ранить. Кожи. Болота. Ямы и гноящихся ран — это от него.

— Ты ничего не видишь, я правильно поняла?

Он различает слова. И смысл их ясен.

— Это бывает, если слишком долго в темноте пробыть. Зрение вернется. Не расчесывай шею! — Его руку перехватили. — Так только хуже будет. Веревку надо снять.

Ее голос был таким мягким, нежным...

Нельзя верить нежным голосам.

— Видишь, пес, как я добра. — Руки королевы снимают ошейник. — Ты никому не нужен, но я тебя отпущу... быть может.

Шеи коснулся холодный металл. И Оден, зарывав, бросился на врага.

Ну вот, следовало ожидать.

Мне повезло. Он был ранен. Истощен. И слеп. Напуган и растерян. А я двигалась достаточно быстро, чтобы увернуться от удара.

Не надо было с ножом лезть, подумаешь, узел тугой, как-нибудь да справилась бы.

Пес, встав на четвереньки, вертел головой, пытаясь уловить мой запах. А лес с любопытством наблюдал за происходящим. В конечном итоге лес примет и мое тело.

...он крупнее.

Да, на дольше хватит.

Попытавшись сделать шаг, пес наступил на хвост веревки. Сейчас этот дурак сам себя задушит. Головой замотал, попытался ослабить ошейник, но не тут-то было. Хитрая петля, такая только затягивается. Но, судя по ранам на шее, ему случалось носить и куда более опасные украшения.

— Послушай. — Я приближалась с осторожностью. Слаб или нет, но даже сейчас он сильнее меня во много раз. — Я не хочу причинить тебе вред. Если бы хотела, то бросила бы в городе. Или сейчас. Мне достаточно просто уйти...

— Нет. Н-не... н-надо.

Заговорил. И, кажется, отдавая себе отчет в том, что говорит. Замечательно. Значит, есть шанс договориться.

— Не буду. Но веревку лучше снять. Согласен?

Кивок.

— Ты не бросишься на меня?

— Нет.

— Обещаешь?

— Да.

— Слово на крови и железе?

Пес дернулся, но выдавил:

— Да.

Что ж, этому слову можно верить, и лес разочарованно зашелестел. Понимаю его обиду, но не разделяю. Я все же приближалась к псу с опаской: слово словом, а осторожность не помешает, подозреваю, он и сам плохо понимает, что творит.

— Это я. — Коснулась макушки. Волосы у него, как у мамы, — с тяжелой остью и мягким пуховым подшерстком, может, поэтому меня тянет его погладить. — Эйю.

— Эйю, — послушно повторил пес.

— Наклони голову, пожалуйста.

Узел был под горлом и теперь, затянувшись, продавил кожу. Нет, над позвоночником веревку пилить сподручней. Нож у меня хороший, острый, и резать я старалась аккуратно. Пес ждал и, по-моему, боялся шелохнуться.

— Вот и все. Сейчас будет неприятно.

Веревку пришлось отдирать от кожи. Язвы. Кровь. Сукровица. И знакомые проколы под подбородком. Его долго держали в ошейнике, не позволяющем опустить голову.

Полчаса — и мышцы ломит. Час — и кажется, что вот-вот их судорогой сведет. Два... и стоит опустить подбородок, как острые зубья впиваются в кожу. Кажется, на третьем мне стало все равно.

Я всегда была упрямой девочкой, но до пса мне далеко.

— Так лучше?

Не надо его трогать, но я не удержалась. А он вдруг сгреб меня в охапку и опрокинул на листья. Сам сверху навис.

Убьет?

И правильно сделает: за дурость надо платить. Лесу-то сколько радости будет...

...овраг. Далеко. Выше надо.

Какие мы капризные, однако.

Но пес не торопился меня добивать, обнюхивал. Волосы. Лицо. Шею.

— Запах. — Он снизошел-таки до разъяснения. — Ты. Я. Знать. Запах. Эйю. Свой.

А про невесту рассказывал связно. Сейчас же ощущение, что собственный язык его не слушается. Пес прижался щекой к моей щеке и замер. Я тоже не шевелилась, мало ли что ему в голову взбредет. Минуту не шевелилась... две... на третьей не выдержала, главным образом из-за запаха: воняло от него выгребной ямой.

— Тебе надо вымыться. — Подозреваю, эта процедура ему не понравится. — Вода холодная. И будет больно. Но так раны скорее заживут.

Будь в нем хоть капля живого железа, они бы уже затянулись, без воды и моей помощи. Пес же вздохнул, но все-таки отстранился и встал на колени. Руку протянул. И пальцы мои сдавил так, что еще немного — и сломает.

Бойтся отпустить?

Потеряться?

— Сначала снимем твои лохмотья. Я постираю и посмотрю, что можно сделать...

...все равно другой одежды нет и в ближайшем будущем не предвидится. В лесу вообще с одеждой сложно, а соваться в город — безумие.

— Идем.

Встал без споров. И шел за мной, осторожно, медленно. И раздеть себя позволил.

Он был изможден до крайности: кожа, кости и живое мясо. Его не просто пытали, а мучили снова и снова, позволяя ранам зарубцеваться, а вот здесь, под левой лопаткой, явно шили. О псе заботились, не позволяя умереть. Наверное, он был интересной игрушкой.

— Решетка, — сказал пес, когда я коснулась язв на спине.

Аккуратные отверстия все еще сочились сукровицей. Девять рядов вдоль спины, девять — поперек. А следов от огня нет. Впрочем, я слышала, что холодное пламя не обжигает, оно просто вытапливает из крови железо.

...это война, бестолковая Эйо. А пес — враг.

Вот и убили бы как врага. Пытать зачем?

— Потерпи. — Я сглотнула, не зная, что сказать ему. — Еще немного потерпи. Пожалуйста.

Кивнул.

И двинулся за мной к воде.

— Стой. — Берег был топким, осклизлым. — Садись. И осторожно, здесь глубоко.

Я помогла ему спуститься в воду и положила руку на корень старой ели. За него удобно держаться.

— Я сейчас вернусь.

У меня еще оставалось мыло, пусть и самое дешевое, изрядно воняющее. Для пса, вероятно, этот запах и вовсе невыносим был. Но он терпел, жмурился, фыркал. И сам тер и без того разодранные плечи, хотя меня от одного вида открывшихся ран трясти начало. Моей силы не хватит на все.

Разве что понемногу... изо дня в день...

Я помогла ему выбраться из воды и отвела к своему гнезду, сооруженному из еловых лап и сухих, шелестящих листьев.

— Вытереть тебя нечем.

Солнце еще стояло высоко. Обсохнет. И согреется. Надеюсь.

— Чистый. — Он понюхал собственную руку. — Чистый. Хорошо.

Я же развела костерок. Сегодняшняя добыча была скудна — пара серых, скукоженных картофелин, из тех, что скоту запаривают, и несколько горстей сечки. Но из старых запасов у меня оставались хлеб, сыр и почти прозрачный уже кусок сала на нитке. Картофель я варила вместе с зерном, добавила травы и жир. Пес терпеливо ждал. Он свернулся в гнезде клубком, подтянув ноги к груди. И плащ мой, слишком маленький для него, принял с благодарностью.

Так и лежал, уставившись на огонь, но вряд ли видел. И, кажется, придремал.

А я, пользуясь случаем, разглядывала его.

Крупный, широкой кости, с массивной грудной клеткой, тяжелыми лапами и мощным хребтом. Такой выдержит и полную броню. Окрас золотистый, с характерным отливом и более светлым подшерстком, какой бывает только среди высших. И родинки — как подтверждение. Семь — на левой щеке, одиннадцать — на правой.

Может, не все так и плохо?

Я проведу его по землям детей лозы, а он поможет мне за Перевалом.

Глава 3

Стальной Король

Стальной Король был молод, всего-то двадцать девять весен, на три меньше, чем Виттару.

Стальной Король был стар.

В его глазах жили война и боль потухших жил, отравленных туманом. Ранние морщины изрезали лицо, превратив его в маску, и не нашлось бы в землях Камня и Железа того, кто осмелился бы заглянуть под нее. Не был исключением и сам Виттар, хотя и назывался другом правителя.

Стальной Король просто был.

Высокий. Сухопарый. Нескладный с виду. Он лишен был отцовской силы и изящества матери: чересчур длинный, ссутуленный, с худыми руками и локтями, которые вечно торчали в стороны эдаким вызовом дворцовому этикету. Стальной Король давно перестал обращать внимание на подобные мелочи. Его запястья были по-женски тонки, а ладони округлы. Такие подошли бы пекарю. На коротких пухлых пальцах перстни смотрелись нелепо, и король отказался от перстней.

Ему не шли ни кружево, ни бархат, ни даже сама корона, сплетенная из стальных нитей. Он вечно жаловался, что корона слишком тяжела и натирает.

И алмазы в ней — лишнее.

Сейчас корона лежала на столике рядом с бутылкой вина, парой бокалов и потертыми перчатками. Под столиком нашлось место сапогам, из голенищ которых полосатыми змеями выглядывали чулки его величества. Сам Стальной Король сидел, вытянув ноги, шевеля босыми пальцами, которые разглядывал с преувеличенным вниманием. Казалось бы, не слушал, но Виттар точно знал — каждое произнесенное им слово произнесено не зря. Вот только новости нельзя было назвать добрыми.

— ...род Высокой Меди с печалью сообщил о том, что младенец родился мертвым.

— Второй? — Голос короля звучал ровно, равнодушно даже.

— Третий. Второй — у Белого Серебра.

Виттар замолчал, зная, что королю нужно несколько минут тишины. Он поднялся и наполнил бокалы темным тяжелым вином. Сделав по глотку из обоих, протянул собеседнику.

— По-прежнему боишься за меня? — Старый друг взял бокал, не глядя.

— Боюсь.

Вино из ягод тимминики, единственное, которое король признавал, было горьким. Когда-то эта горечь сумела спрятать яд, и покушение, одно из многих, едва не увенчалось успехом. С тех пор рядом с правителем находился дегустатор, но Виттар не мог отделаться от старой привычки, пусть в тот раз она едва не стоила ему жизни.

Король разглядывал вино.

— Ты ведь нашел ответ на мой вопрос?

Да, хотя изначально и полагал, что вопрос задан исключительно затем, чтобы отвлечь Виттара от собственных бед. Вероятно, так и было... отчасти.

— Мы не там ищем виновных. Королева... — Виттар замолчал, не в силах заставить себя произнести имя этой женщины. Скулы сводило от ненависти, бессилия и понимания,

что никогда ему не добратся до твари. Он видел ее лишь однажды, издали, и с той минуты потерял покой.

Королева Мэб являлась во снах, становилась на колени и запрокидывала голову. Виттар видел ее горло, тонкое, бледное, такое хрупкое... и понимал, что даже во сне не дотянется. Пытался. Рвал цепи долга. Зверел от запаха и близости. Просыпался в холодном поту, ослепленный мерцанием короны Лоз и Терний.

И с пониманием, что королева Мэб останется живой.

— ...она ни при чем.

— В проклятие ты не веришь?

— Разве что мы сами себя прокляли. — Виттар вытер платком испарину, которая появлялась, стоило ему упомянуть о королеве. — Я нашел ответ, но... он почти приговор.

Вначале задание казалось простым.

Очевидным.

Почему готовы иссякнуть жилы Великих домов?

И вправду ли опоены они слезами Королевы Туманов? Запечатаны сказанным ею словом? Прокляты и обречены? И если так, то не совершил ли Стальной Король ошибку, позволив альвам уйти?

Об этом многие шепчутся.

— Если боишься моего гнева, то вспомни, — отставив бокал, король провел пальцами по тонкому шраму, пересекавшему запястье, — сколько раз ты спасал мою жизнь. И никогда ничего не просил взамен. А то единственное, что, как я знаю, тебе нужно, я оказался не в силах дать.

Ни справедливости, ни даже мести.

— Мы слишком многим обязаны твоему роду, а вскоре, чувствую, долг увеличится. Я знаю, как ты ее ненавидишь. И если при этом утверждаешь, что Хозяйка Холмов и Туманов не виновата, то я тебе верю. Говори. И не бойся меня оскорбить.

Не его — всех остальных: Великие дома слишком привыкли к собственному величию, они в упор не замечали опасности. И, пожалуй, если бы не война, продержались бы еще лет сто, а то и двести, но сейчас, когда срок уже вышел, они желали найти виновного.

Виттар пригубил вино: в горле пересохло. Пересыхало всякий раз, когда он касался этой темы и собственной теории, проверяя ее раз за разом, выискивая все новые и новые факты, пытаясь истолковать их так, чтобы увидеть — ошибался.

Не выходило.

— Это началось задолго до войны... и до твоего появления на свет. И еще раньше. Я поднял родовые книги. Двадцать поколений тому назад руда забирала одного ребенка из ста. И высшие рождались во множестве даже в тех родах, кровь которых не отличалась особой чистотой. Но сила каждого была не так велика. И тогда твой предок, желая сохранить и усилить свойства высших, издал указ о сохранении породы.

Король смотрел на огонь, рассеянно проводя мизинцем по граням кубка.

— Высшие, сочетаясь браком с высшими, давали крепкое потомство. И живучее. От трех до пяти детей на одну семью.

А сейчас двое выживших — редкость.

— И в следующем поколении кровь проявила себя еще более ярко. Но теперь руда забирала одного ребенка из пятидесяти.

— Вдвое.

— Да.

— И потом становилось лишь хуже? — Он уже понял то, что желал сказать Виттар. Стальной Король умен, хотя многих обманывали сонный его облик и кажущаяся рассеянность.

— Детей рождалось все меньше... и руда забирала каждого четвертого. Но оставшиеся трое отличались исключительной силой и выносливостью.

— Их скрещивали между собой...

— Именно.

— И родственные связи стали слишком близки. — Король к вину так и не притронулся. Это не жест недоверия, скорее уж он забывал о том, что должен пить. И есть. Порой его приходилось кормить чуть ли не силой. Сейчас мысли короля были заняты проблемой куда более важной, нежели прошедшая война.

Он вновь обратился к фактам, с которых Виттар начал:

— Высокая Медь?

— Муж и жена — кузены. Их матери — родные сестры. А отцы — двоюродные братья.

— Олово?

Трое мертворожденных и четвертый, появившийся на свет живым, но взятый рудой.

— Тройродные брат и сестра. Серебро — то же самое. А брак, разрешения на который добиваются Титаниды, будет заключен между братом и сестрой.

— Но... она низшего рода?

— Незаконнорожденная дочь.

— И законнорожденный сын. — Король тяжело поднялся. — Неужели они сами не понимают, что творят?

Этот вопрос не требовал ответа. Понимают? Скорее спешат сохранить кровь. Сильную скрещивают с сильной, в надежде, что родятся дети, которые выживут.

— Спасибо. — Стальной Король стоял над камином, упираясь обеими руками в холодный мрамор облицовки. — Ты подтвердил мои догадки. Забавно в чем-то даже... Они разводят лошадей. Или собак. Грэм Серебряный соколами занимается...

— Они считают себя выше.

Законы жизни неприменимы к детям Камня и Железа.

— А сейчас, — Виттар допил вино, — они верят в проклятие Туманной Королевы. И в то, что лишь сильная кровь его переломит.

Слишком многих унесла война. И Титаниды — первые, кто посмел переступить запретную черту. Виттар слышал, что Белоглазая Асгрид ждет ребенка от того, кого называет мужем. И братом. А доктора обещают, что младенец родится здоровым. Если не ошибутся, то сколько еще пожелают последовать примеру?

— Я отменю закон.

Стальной Король принял это решение не сейчас. Он позволил Виттару проверить то, что уже знал, но в чем все же надеялся ошибиться. Однако отмена закона — слишком мало. Высшие не захотят разбавлять кровь. Слишком привыкли к своей исключительности.

— Я... — Виттар знал, что предложить, — возьму себе жену не из Великих родов. Поищу среди тех, у кого большие пометы и щенки здоровыми растут. Ртуть... Или Свинец. Сурьма, если не ошибаюсь, всегда отличалась плодовитостью.

Должно получиться, если он прав.

— Что еще ты готов сделать для меня, друг? — Стальной Король повернулся, и впервые

с начала войны в его глазах не было пустоты.

Он знает ответ: все.

Не ради короны, долга и сомнительной чести именоваться правой рукой монарха, но ради человека, которого Виттар считал родным.

У него и так родни не осталось.

А Виттар знает причину, подтолкнувшую короля заняться проклятием, которого — это понимали они оба — не существовало. Зато были пятеро братьев, родившихся мертвыми или ушедшими в первые же дни после рождения. И ранняя старость предыдущего короля.

— Ты прав. Я не желаю хоронить собственных детей. Но и заставлять тебя не буду. Ты заслуживаешь той невесты, которую выберешь сам. Будь у меня сестра, я отдал бы ее тебе.

Сестра была. Ольриг. Светлокосая, ясноглазая, звонкая, как горный хрусталь. Отрада души и надежда рода, потерянная в Каменном лого. Порой и король бессилён защитить то, что дорого. Чего уж ждать от остальных?

— Оставь мне бумаги, — попросил король. — Советники любят язык цифр. Им понравится.

Скорее уж они будут возмущены и не пожелают верить, потому что вера означает признание. А кто признается в том, что сам подрубил корни собственного рода?

Но закон будет отменен. И если надо, Стальной Король издаст новый, собственной волей связав тех, кто еще свободен, с малыми домами. Вот только он понимает, что путь силы породит лишь гнев, а гнев — восстание. И снова будет война, которая уничтожит весь народ Камня и Железа.

— Не уходи пока. — Стальной Король вернулся в кресло и тихо произнес: — Боюсь, и у меня для тебя дурные вести.

Оден. Сердце екнуло и остановилось.

Нет, его нить на полотне рода истончилась до крайности, но не погасла. Брат жив. И надо верить.

— Она сдержала слово. — Пухлые пальцы сплелись, сцепились друг с другом.

Тварь туманная, бледнорожденная. Но даже Мэб не под силу нарушить клятву на Камне.

Вот только Камень понимает лишь простые клятвы.

Мэб обещала оставить мир.

И корабли один за другим уходили к Затерянным островам.

Мэб обещала дать пленным свободу.

И городские тюрьмы, замковые темницы, даже позорные клетки были открыты.

Вот только Одена в числе тех, кого принял Перевал, не оказалось.

— Там, возьми.

Свиток. Печать. Бумага твердая, а пальцы непослушны. И ровные буквы — она всегда и во всем совершенна, Королева Туманов и Грез, — не складываются в слова.

— «Склоняю голову, смиренно приветствуя старшего брата...» — Стальной Король говорил тихо. Сколько раз он прочел это послание? Много. Переплетение ее слов никогда нельзя было понять с первого раза. — «...столь милосердного, что, невзирая на распри...»

«...сохранил неразумной сестре своей жизнь и корону. Душа моя, преисполняясь благодарности, требует порадовать тебя добрыми вестями.

Сегодня на рассвете последний корабль поднимет паруса, унося несчастную королеву Мэб и детей лозы к Затерянным островам. Отныне пусты Холмы и

холодны хрустальные чертоги. Но пусть не печалит сия разлука моего венценосного брата, ведь в душе своей я сохраню его светлый образ...»

Издевается. Даже побежденная, изгнанная, лишившаяся всего, издевается.

«...и смею ли надеяться я, что ты, мой король, в самом скором времени не позабудешь обо мне?»

Лишь желание навеки вырезать имя Мэб на скрижалях стального сердца и воля твоя, изложенная столь ясно, что бедной королеве не остается ничего иного, кроме как исполнить ее, управляют мной.

Возрадуйся, Стальной Король! Тот, о котором ты столь долго проявлял воистину трогательную заботу, отныне свободен. Твоя отвергнутая Мэб сняла с него железные оковы и вывела к свету, оставив на попечение людей. Уповаю, что, пораженные твоим величием, как поражена была я, они проявят всяческое понимание и милосердие и в самом скором времени ты сможешь обнять своего дорогого друга.

Мысль об этом будет согревать меня в пути.

Туманных тебе дней.

Целую прах под твоими ногами.

Низвергнутая королева Мэб».

— Выпей. — Король отнял бумагу, которую Виттар почти разорвал. И вместо листа сунул кубок: — Пей.

Этого приказа нельзя было ослушаться, но Виттар не чувствовал вкуса вина.

Вот и все. Четыре с половиной года торгов. Уступок. Золота, которое уходило в Холмы.

Пленников, отпущенных, чтобы продлить брату жизнь.

Королева Мэб никогда не просила невозможного, предпочитая плясать на острие клинка. Ей нравилось стравливать короля и Совет. Совет и Виттара.

Виттара и короля.

Дразнить обещаниями, которые она не собиралась сдерживать, — все это знали, но продолжали делать вид, будто верят, что уж теперь-то Оден вернется...

— Я отправил ищеек. Всех, кого мог отправить.

Сколько? Сотни две? Три? А городов на землях лозы втрое больше. И Оден мог быть в любом. Но сколько он протянет? Виттар говорил с каждым, кто вышел из Холмов, пусть даже они были слишком безумны, чтобы вести беседы. Но он должен был спросить о брате.

— Его будут искать. Я обещал награду. — Стальной Король говорил, зная, что слова его станут слабым утешением. Виттар видел.

Месяц под Холмами, чтобы утратить силы.

Два — чтобы лишиться разума.

Три — и то, что оставалось от пленного, милосерднее было убить.

А четыре с половиной? И не месяца, но года? Во что превратился его брат? Кем бы он ни стал, вряд ли Оден сумеет выжить. Виттар закрыл глаза и услышал звонкий девичий смех королевы: «Моя дочь? Оставь себе. У меня их еще четыре. А вот тот, из-за кого я войну

проиграла, один».

Оден. Неразменная монета, выкупившая ее собственную жизнь. Не будь его, и Холмы бы вскрыли. Совет желал этого. Требовал. Грозил королю мятежом, но все же подчинился.

А эта тварь вновь обманула.

— Я не буду тебя отговаривать, — король налил еще вина, — если ты захочешь заняться поисками сам.

Пойти за Перевал? И дальше что? Рыскать по городам, надеясь не то на случай, не то на чудо? Узнать, что опоздал? И, поддавшись гневу, вырезать какое-нибудь безымянное поселение, где ненависть к детям Камня и Железа толкнула к убийству?

Мечь не принесет облегчения.

А гнев — пользы.

— Однако... я бы предпочел, чтобы ты остался.

Это еще не приказ, просьба.

— Почему?

— Слухи. — Повернувшись к Виттару, Стальной Король заглянул ему в глаза. — Многие говорят, что ты неспособен справиться с собой.

И называют Бешеным.

— Что еще?

— Что, меня обличье, ты теряешь разум. Контроль. Что ты уже на грани, если не за ней. Что война окончена, но ты продолжаешь воевать... и вот-вот созреешь, чтобы повести за собой дикую охоту.

— И многие пойдут?

До Виттара доходили... странные разговоры. О землях за Перевалом. О людях, которые слишком верны прежней хозяйке. И о тех, в ком осталась кровь Туманной Королевы.

О том, что король чересчур мягок.

Он слишком многих пощадил, не понимая, что зло необходимо выкорчевать с корнем. И есть те, кто не боится замарать рук.

— Боюсь, что многие... Прости, Виттар, но твой брат и вправду был бы удобнее мертвым.

Об этом тоже говорили, сначала намеками, потом открыто, в лицо, требуя не выполнять очередные просьбы королевы Мэб. И если бы она попросила о чем-то, несовместимом с честью дома...

Но королева знала, где остановиться.

— Сейчас он — красивый символ. А символ легко станет знаменем для тех, кто хочет мести. Здесь нет ни твоей, ни его вины, но... я не думаю, что тебе стоит отправляться за Перевал.

— Опасаешься, что я не сумею себя остановить?

— Я опасаюсь... — Взгляд Стального Короля не получается выдержать долго, да и дерзость это — смотреть ему в глаза. И кто-то другой за дерзость поплатился бы. — Я опасаюсь, что скажут, будто ты не сдержался. Этого будет достаточно.

Он мог бы добавить, что Оден обречен. И был обречен изначально. Что четыре с половиной года в руках королевы — это больше, чем можно выдержать, не лишившись разума, и если вдруг случится чудо и Одена удастся найти, то вряд ли он выживет. А если выживет — останется калекой. И не Оденем вовсе, но искореженной оболочкой, заставляющей жить которую — жестоко.

Так стоит ли ради этого рисковать таким хрупким миром?

— Я хотел бы попробовать свой вариант поиска. — Виттар поднял взгляд на человека, которого безмерно уважал. — Я не уйду надолго. И не поведу большую стаю. И не трону ни человека, ни альва, ни кого бы то ни было, если он не попытается причинить вред мне или моим людям.

— Слухи? — Король усмехнулся.

— Только слухи.

— Хорошо.

— Я вернусь. И к первой проблеме тоже. Я подготовлю список малых домов, которые достойны внимания. И имеют девушек подходящего возраста. Полторы дюжины хватит?

— Вполне, — сказал Стальной Король. — Не спеши. У тебя еще есть время. И полная свобода.

Ложь. Ни у кого нет ни времени, ни свободы. Слишком многое поставлено на карту.

Оден.

Великие дома. Перевал и земли по ту его сторону. Война пропитала их ненавистью, словно черной земляной кровью. Достаточно искры, чтобы начался новый пожар.

Дом Виттара, старый, пропыленный и почти мертвый, как мертв был сам род Красного Золота, встретил хозяина торжественной тишиной. И вновь она не принесла успокоения.

Собственные шаги звучали громко, грозно даже.

Виттар, подымаясь по лестнице, считал ступени. Мраморные перила ластились к ладоням... Пустота и ничего, кроме пустоты. Пыли. Плесени. И старых портретов, с которых из-под слоя грязи на Виттара смотрели предки. Смотрели, казалось, с презрением. Как он, последняя капля металла в иссохшем русле древней жилы, посмеет привести сюда жену из низших?

Позабыл о гордости? О чести?

Обо всем, о чем стоило помнить?

Его брат никогда не поступил бы подобным образом.

Перед дверью из мореного дуба Виттар остановился. Руки дрожали. Всего-то надо — толкнуть, услышать знакомый скрип: за четыре с половиной года он так и не нашел времени смазать петли. Кивнуть слуге. Принять свечу. Поднести к родовому гобелену и...

Свет пламени отразился на металлической нити.

Живое железо не умело лгать.

Оден еще жив.

Глава 4

Бытовые вопросы

Огонь горел. Вода в котелке кипела. Каша варилась. Пес спал. А я пыталась понять, зачем с ним связалась. Жалко стало? Пора бы усвоить, Эйо, что жалость никого еще до добра не доводила. Возможно, раньше, до войны, в ней был какой-то смысл, но тебе ли не знать, насколько все изменилось.

Вот что с ним делать?

Сидеть, гладить по головке и рассказывать сказки о том, как все наладится чудесным образом?

Сопли вытирать?

И водить за ручку, пока видеть не начнет? А если начнет, то где гарантия, что, увидев твое личико, заглянув в глаза, он просто-напросто не свернет тебе шею? Он тебя человеком считает... скорее всего, считает человеком.

Но я-то альва. Наполовину.

Отражение в яме показало, что указанная половина за день не исчезла. Узкое лицо с чрезмерно длинным, по человеческим меркам, носом. Резко очерченные губы. Характерный разрез глаз. И единственной уступкой маминой крови — пара родинок на левой щеке.

Бабушка вечно пыталась их запудрить. И волосы уговаривала перекрасить, мол, светловолосых альв не бывает. Ей казалось, краска и пудра мигом все проблемы решат. Хорошо, что бабушка не дожила до войны. А лицо... какое бы ни было, но на рабском рынке за меня дадут неплохую цену, особенно с учетом некоторых нюансов. А может, ну его? Пойти, продаться... попаду в хороший дом, буду жить на всем готовом дорогой игрушкой, редкой птичкой, которая особо бережного обращения требует. И ни забот, ни хлопот...

...если не прирежут, пытаясь создать источник, что куда более вероятно.

Следовало признать, что я сама себе ходячая проблема, а еще и пес.

Как быть?

Раздевшись, я нырнула в черную воду с головой.

Холодно. До того, что дыхание перехватывает. Но холод, рожденный родниками, сменяется благословенным теплом. Я расслабляюсь, позволяя тончайшей сети пузырьков опутать себя.

С водой мы всегда умели найти общий язык. И сейчас она отозвалась на прикосновение упреком.

...злое думаешь.

Как уж получается.

Я коснулась топкого вязкого дна. Пальцы провалились в илистую подушку, а ладони уперлись в осклизлые стены бочага. Вода ласкала кожу, и постепенно я успокаивалась. Мысли становились неспешными, ленивыми, как рыбина, которая поселилась на дне ямы. Она не показывалась, лишь изредка касалась ног, царапая тяжелой чешуей.

Да, пес будет мешать.

Он слишком приметный, а в этих краях собак ненавидят искренне и люто. Кто бы ни вывел его сюда, он хотел одного — чтобы пес умер и смерть эта была мучительна.

А я помешала.

И чем это грозит?

Если поймают, убьют обоих... что еще? Ему нужна одежда — от его лохмотьев, даже если постирать и зашить, проку мало. Обувь. Кормить придется, а я себя с трудом прокормить могу. Он же втрое крупнее и болен. Быстро идти не сможет, и вообще не уверена, сможет ли... а мне нужно попасть к Перевалу до наступления зимы. Я чудом пережила предыдущую, и вряд ли получится повторить подвиг. Если застряну здесь, погибну сама. Самое разумное решение — оставить его здесь. Тихо собраться и уйти... или дать сонного зелья, он выпьет из моих рук. Уснет. И просто перестанет быть.

Это тоже своего рода милосердие. Но почему мне тошно от одной мысли о подобном милосердии?

...не думай о плохом. Не слушай лес.

Вода подтолкнула меня к поверхности.

Не буду. Попытаюсь о хорошем. Что у нас есть? Пес — одна штука. Чистокровный. Из высших. А эти своих не бросают. На то, что ко мне проникнутся любовью и благодарностью, рассчитывать не стоит, но к долгу крови высшие относятся серьезно. И если все-таки выживем, то... я попрошу награду, такую, чтобы хватило на жизнь. Вдруг да окажется, что брат не слишком-то счастлив внезапному моему воскрешению.

Ну да, с чего ему меня любить? Он — наследник, будущий райгрэ, вожак... или уже не будущий, а состоявшийся, как-никак семь лет не виделись. Я — позор рода... точнее, позор — моя матушка, а я так, живое свидетельство глубины ее падения. Во всяком случае, пока еще живое, а там — время покажет. Главное, что деньги мне всяко пригодятся.

Прогонит брат — куплю себе домик в деревне.

Огород заведу. Стану овец лечить, коров... поля заговаривать. Чем не радужная перспектива?

Будем считать, что с мотивами своих алогичных поступков я разобралась.

Вода зажурчала. Смеется? Пускай. Она в отличие от леса легкая. Ей корысть непонятна, вот и сочиняет для себя собственные истории.

...ниже по течению мучной орех растет.

— Знаю, я видела. — Зачерпнув горсть, я позволила каплям стекать по коже. Вода любит ласку. И мои волосы растащила по прядкам, украсила воздушными пузырьками, еще и тонкие стебельки травы вплела. — Орехи только-только появились. Им еще месяц зреть.

...прошлогодние. Крупные. Много.

Значит, уж точно больше двух. И мне следовало бы самой подумать, что не все плоды прорастают.

— Спасибо.

Вода нежно лизнула в щеку.

— И я тебя люблю.

Распластав собачье тряпье, к которому и прикасаться было противно, на дне ручья, я придавила его камнями. Вода вымоет грязь, вернее, сменит одну на другую, но глину я позже выполощу. Главное, чтобы высохло за ночь. Вот не отпускало меня ощущение, что скоро мне предстоит распрощаться с оврагом.

Впрочем, пока хватало дел насущных, которые — лучшая помеха мрачным мыслям.

Пес уже проснулся. Надо все-таки назвать его как-нибудь, а то неудобно разговаривать, на «пса» еще обидится. Он сидел в куче листьев и вертел головой.

— Я здесь. — Я подходила, стараясь наступать на все ветки, чтобы он слышал.

Судя по запаху, обед был готов. Надеюсь, пес не станет отказываться, потому что мяса при всем своем желании я ему не найду.

Пес наблюдал за мной, словно мог видеть. А глаза-то опять гноем затянуло... и, значит, пойду я не только за мучным орехом. Неподалеку рос старый дуб, который не откажется поделиться корой. Ромашку и мать-и-мачеху на берегу видела. Где-то рядом была и таволга...

Как обычно, что найду, то и мое.

Вот и миска пригодилась, не зря же я ее столько времени с собой таскала, стеклянную, с узором из белых лилий. Миску я оставила себе, а псу подвинула котелок. И единственную ложку в порыве благородства отдала. Ему небось без ложки совсем непривычно, а мне руками вкуснее даже.

— Вот. — Я провела его пальцами по краю котелка. — Только осторожно, горячее пока. Подожди, пусть остынет немного.

Ожидание давалось ему нелегко. Пес склонился над котелком, вдыхая запах, и выражение лица у него было таким, что я губу прикусила. Нельзя с ним так. И отвлечь вряд ли получится, но попробовать стоит.

— Как мне тебя называть? Я понимаю, что не могу спрашивать родовое имя...

Повернул голову, но при этом лег так, что стало ясно — котелок не отдаст. Я и не собиралась забирать, просто... в лагере тоже любили шутить. По-всякому.

— ...но мне как-то надо к тебе обращаться.

— Оден.

— Эйю.

— Помню. Радость.

Надо же, а я и не думала, что он тогда был в состоянии понимать что-либо. Пес же вновь повернулся к котелку. Зачерпнул варево. Подул. Попробовал.

— Когда ты в последний раз ел?

— Давно.

И вкус ему безразличен. И ложка не нужна. Я ведь помню себя, когда впервые оказалась по ту сторону ограды, когда поняла, что могу наесться досыта, и уже неважно было, что в миске, главное — горячее и много. В храме были хорошие дрессировщики, знали, что мясная каша в тот момент эффективнее хлыста и угроз. Да и чего будет бояться тот, кто еще вчера стоял на пороге смерти? И позавчера. И за день до этого. За проклятую бездну дней. Разве что подавиться едой, такой долгожданной, обильной, которую глотаешь, не жуя, движимый одной мыслью — утолить наконец голод.

И ласковый укоряющий взгляд Матери-жрицы сдерживал лучше угроз.

Нам так хотелось ей понравиться, но не потому, что она красива и милосердна, но потому, что стоит у котла. И значит, от нее зависит, будет ли добавка.

Пес был умнее. Он ел аккуратно, тщательно разжевывая сечку, которая после варки не стала мягче. Котелок вылижет до блеска, тут и думать нечего. Главное, чтобы эта еда впрок пошла.

Меня от жадности рвало.

Да и не только меня...

— Оден, — все же хлеб и сыр я оставила на потом, мало ли, вдруг вода ошиблась, да и завтрашний день тоже пережить надо, — сейчас я уйду.

Дернулся и от еды отвлекся.

— Ненадолго. Я вернусь, обещаю. Надо силки проверить. И кое-каких трав собрать.

Ниже по течению сныть росла. Из нее суп сварить можно. Если еще крапивы и молодых листьев папоротника собрать, получится вкусно. Да и все лучше, чем ничего.

— Поэтому если тебе куда-то надо, например, в кусты...

Мотнул головой. Ну, мое дело предложить.

— Хорошо, тогда, пожалуйста, сиди тихо.

— Я понимаю.

Это вряд ли. Я даже не людей опасуюсь — леса.

— Это место небезопасно. Лес может причинить тебе вред. Ты пока... — Обвинить высокородного в слабости — значит нанести смертельное оскорбление. — ...не совсем здоров.

— Слеп. Беспомощен. Не выживу. Ты нужна.

Вот и хорошо, будем считать, что договорились.

— Я вернусь, — зачем-то повторила я и, не устояв, коснулась светлой макушки, а Оден, вместо того чтобы отшатнуться, все-таки он не настолько же собака, — потянулся за этой нечаянной лаской.

Нельзя к нему привязываться. И нельзя привязывать его.

Мы просто дойдем до Перевала, а там... как-нибудь.

Оден представлял себе свободу иначе.

Он точно знал, как это будет. Он рисовал себе этот момент в воображении... сколько? Недели? Месяцы? Там, под Холмами, время становится другим.

Нет больше дня и ночи, но только шаги стражника над головой. На нижнем уровне их четверо. И Оден быстро учится различать каждого. Первый и третий — безразличны. Второй не упускает момента остановиться и заговорить.

Он рассказывает о том, что Королева Туманов прошла над Перевалом. И что долина, та самая, которую пытался защитить Оден, перестала существовать, как и город, и все, кто в городе...

Что Стальной Король слаб и отступает.

Что рудные жилы гибнут одна за другой. И скоро наступит момент, когда род Железа и Камня прекратит свое существование. Оден жив лишь потому, что королева желает провести его по улицам.

Тот, второй, был влюблен в королеву.

Он произносил ее имя с придыханием, и запах его — когда Оден еще умел различать оттенки запахов, — менялся. Он вещал о долге, чести и милосердии, которое не позволяет королеве избавиться от ничтожества.

Четвертый молчал. Он вставал на решетку и просто стоял, прислушиваясь к тому, что происходит. Иногда ронял что-то вниз. Хлеб. И вонючий козий сыр, который так любят дети лозы. Однажды он все же открыл рот:

— Дочь королевы угодила в западню. Возможно, тебя обменяют.

Кто еще слышал эти слова?

Больше четвертый не появился. А про Одена вновь вспомнили.

Королеве Мэб был к лицу багряный, оттеняющий совершенную белизну кожи. И корона Лоз и Терний сияла в полумраке подвала.

— Я предложила им обменять тебя на мою девочку. — Иногда она позволяла голосу изображать нежность. — Зачем им дочь несчастной королевы? Но нет, отказались. И моя

девочка умерла. Так почему я должна оставить тебя в живых?

И время застыло.

На ее руках — пурпурные рубины, и отблески их окрашивают кожу розовым, словно королева Мэб пыталась смыть кровь, но не оттерла до конца.

— Почему? Ты не нужен им... — Она желала услышать ответ на свой вопрос. И повторяла его вновь и вновь... — И, упрямый, цепляешься за жизнь. Чего ради?

— Потому что у меня есть невеста...

Ее смех — стеклянная пудра на свежих ранах.

— Что ж... — Женщина с рубиновыми когтями закрывает глаза. — Живи... Возможно, когда-нибудь я подарю тебе свободу.

Она сдержала слово.

Оден ждал, что за ним придут. Слушал землю, надеясь уловить тот момент, когда старые глыбы начинают трескаться, пропуская огненный ручей. И песню железа, разрывающего землю. Шаги, не охраны, другие. Голос, который он узнает, несмотря ни на что.

Брат вытаскивает.

Скажет, что все уже закончилось. Отвезет домой. Не в городской особняк, но в старое поместье, в его, Одена, комнату, окна которой выходят на тисовую аллею.

Стены из яшмы и нефрита, прошитого тонкой золотой нитью. И старый камин, который вечно начинает чадить при первой растопке. Тяжелое кресло — в нем хорошо думалось. Стол из каменного дерева. Оден помнит его и узор из царапин на боку. И даже то, что правая створка окна слегка провисает, а летом на бархатных портьерах оседает тополиный пух. Тополь в саду лишь один, и каждый год появляется желание его спилить, но посажен он был еще прадедом Одена...

Любимое место Виттара, вечно с книгой прятался. Точнее, думал, что прячется, а на самом деле все знали, где его искать.

Не пришел.

Жив ли? Война ведь была. Долгая, наверное. Кровавая. Но она закончилась, и Одена подарили свободу. Вот только теперь его жизнь зависит от женской прихоти. Пожалела? И как надолго хватит этой жалости?

День? Два? Дольше? Скоро ей надоест играть в спасительницу.

Уйдет.

Уже ушла. Пусть и обещала вернуться, но... обещания ничего не стоят.

Нет. Костер остался. И вещи. Значит, действительно вернется. Она молода, если судить по запаху. Серебро, вереск и мед. Мед и вереск. Серебра лишь капля.

Вереск рос на предгорьях Гримхольда. И по весне распускался цветами лиловыми, белыми. Кланялся ветру, дарил нежный аромат, которым даже местные туманы пахли. Летняя жара иссушала скалы, и запах становился тягучим, вязким.

А по осени в крепость привозили бочки с вересковым медом.

Оден помнит и это. Наверное. Он уже сам не знает, что из всего — память, а что — его фантазия.

Он понюхал свои руки, пытаясь разобраться с запахами. Собственный имел выраженные кислые оттенки, которые появляются у тех, кто болен. Правильно, Оден нездоров. Каша. Сажа — это с котелка. Металл. Прелые листья. Трава.

Надо сосредоточиться, пусть это и тяжело. В голове туман, и нос все еще забит, но кое-что уловить получается. Деревья. Некоторые близко, некоторые дальше. Снова трава и снова

листья, скорее всего опад. Прошлогодний. Сейчас тепло, следовательно, или поздняя весна, или лето, или ранняя осень. Но осенью листва пахнет иначе. Все-таки весна или лето.

Какого года?

На травяном ковре — цветочные нити. Дальше — вода. Пожалуй, он сумел бы дойти до кромки и вернуться. Или... Оден принялся.

Серебро, вереск и мед.

Узор поверх сухой листвы. И шепот деревьев будто подталкивает. Что может быть проще — пойти по следу? Это даже щенок сумеет. Или Оден боится?

Будь он и вправду щенком, не устоял бы перед искушением. Но его спасительница права: лес небезопасен. И мало ли что встретится на пути.

Разочарованный шелест был ответом.

Пускай. Оден перевернулся на живот и прикрыл веки. Он умел ждать и просто лежал, наслаждаясь теплом — отвык от солнца — и отсутствием стен. Нет больше клетки. И решетки над головой. Ошейника, не позволяющего опустить голову. И железа на руках, мертвого, тяжелого. Первое время Оден пытался от него избавиться. Альвов это забавляло.

И альвов нет.

Наверное, совсем нет, если его отпустили. Эйо вернется, расскажет, сколько времени прошло с падения Гримхольда... впрочем, он знает, что война была и что дети Камня и Железа одержали победу. А остальное так ли важно?

Птица беззвучно соскользнула с ветки на кучу листвы и замерла, уставившись на пса выпуклым черным глазом. Ворон был стар и хитер. Его перья отливали чернотой, а на массивном клюве, который с легкостью проламывал черепа мышей, мелких птиц и даже молодых зайцев, уже проступили седые пятна. Впрочем, до той дряхлости, за которой следует смерть, ворону еще далеко.

Последние годы были сытыми: война оставляла изрядно мертвецов, чтобы ворон раздобыл и сделался ленив. Оттого нынешняя весна его разочаровала.

И вот теперь такая удача...

Ворон прыгнул, подбираясь к добыче.

Остановился. Прислушался. Потер когтистой лапой клюв. Однако при малейшем признаке опасности готов взлететь. Но нет, мертвец был приятно мертв, вот только лежал неудобно, на животе. И до глаз добраться не выйдет. Впрочем, это мелочи.

И, решившись, ворон перелетел на плечо.

Уселся, впившись когтями в кожу. Не такая она и толстая, ко всему уже подрана. И надо лишь выбрать рану шире, такую, сквозь которую проглядывало бы розовое мясо.

Ворон поднялся повыше и, примерившись, ткнул клювом в шею.

Добыча не шелохнулась.

Мертвый. Точно мертвый. И надо спешить, пока не набежали падальщики, к которым себя ворон никак не относил. Но, вспомнив о конкурентах, разволновался. Разоренные гнезда не давали того ощущения сытости, к которому он привык. И нынешняя добыча — ворон распрекрасно помнил, что все мясные годы рано или поздно сменялись голодными, — вполне могла быть последней. Он расправил крылья и ударил изо всех сил, вонзив клюв-щипцы в окно открытой раны. И, зацепив кусок мяса, потянул.

Вот только вытянуть не успел. Тяжелая массивная лапа накрыла ворона. Пальцы сдавили грудь, хрустнули кости. И ворон с тоской вынужден был признать, что его обманули.

Подмяв птицу под себя, Оден потер плечо. Кажется, кровь пошла. Плохо: запах привлечет других хищников. И если с птицей Оден справился, то волка одолеет вряд ли... или медведя.

Нашарив костер, который почти погас, Оден зачерпнул горсть горячей золы и прижал к ране. Он привычно отмахнулся от боли, куда более слабой, чем та, которую ему приходилось испытывать, и занялся добычей. От птицы пахло птицей и немного — падалью. Крупная. Весит не меньше двух стоунов. Перья жесткие. Есть когти, но не такие, как у соколов, и клюв прямой.

Раньше достаточно было бы взгляда, а сейчас приходилось угадывать.

Все занятие.

Оден попытался вспомнить, какие птицы водятся в лесах, но вынужден был признать, что знания его в данном вопросе более чем размытые.

Главное, что в любом случае она съедобна.

Как показалось, лес над головой зашумел одобрительно.

Глава 5

Другая сторона

Спустившись в библиотеку, Виттар сделал глубокий вдох и сосчитал количество томов на ближайшей полке. Обычно это действие успокаивало, однако сейчас требовалось нечто большее.

Некоторое время он просто ходил, изредка касаясь пропыленных корешков — слуг в доме было вчетверо меньше обычного, и не оттого, что род Красного Золота обеднел, но потому, что Виттара раздражала суэта, которая была бы неизбежна. Он уже привык к тишине дома, которая многим казалась зловещей, и некоторому запустению.

Родовой особняк в отличие от хозяина умел ждать.

Но и он в последнее время как-то резко постарел. Побелевшие оконные стекла, словно затянутые бельмами глаза, больше не пропускали свет. Неподъемны стали веки тяжелых гардин. Скрипел паркет, трещины ползли по стенам, разрезая каменные пласты отделки. И вездесущая пыль, будто седины, покрывала вещи. Дом сдавал комнату за комнатой и стенами, вздохами жаловался призракам на хозяйское равнодушие.

Слуги же, улавливая его настроение, не спешили помогать старику.

Конечно, будь жив степенный Мангстрэйм, бессменный мажордом, он не допустил бы подобного произвола. Но Мангстрэйм ушел, следом за ним — и его супруга, пятьдесят восемь лет служившая при доме экономкой, а Виттар так и не удосужился найти замену.

Впрочем, он и не пытался: не до того было.

Виттар заставил себя остановиться перед зеркалом, чья поверхность помутнела. Отражение выглядело расплывчатым, словно бы по ту сторону стекла стоял призрак, и спокойно расстегнул все восемнадцать пуговиц на кителе.

Пуговицы были квадратными и неудобными, с трудом проходившими в узкие петли, оттого простейшее действие это требовало полной сосредоточенности. Китиль он аккуратно повесил на спинку кресла, поправил лацканы и манжеты. Пригладил волосы.

Успокоение не приходило.

И контроль над собственным телом давался с трудом. Живое железо стучало в виски, требуя свободы. Враг. Нужен враг.

Кровь. Смерть.

Охота.

След, чтобы яркий и по земле. Погоня. Бег, который закончится схваткой. И скрежет когтей по стальной броне. Визг добычи. Треск плоти в тисках челюстей.

Агония зверя.

Или не совсем зверя.

Живое железо требовало свободы. Ненадолго... ведь легче станет, если Виттар поддастся, послушает себя, позволит то, на что имеет полное право.

Не бешенство — он же не теряет разум, вполне отдает себе отчет во всем, что собирается делать, — но справедливая месть. Жизнь за жизнь. Честный обмен.

Чья жизнь?

Какая разница. Главное, что не одна. Одной недостаточно.

В этом и дело, что никогда не будет достаточно. И Виттар не без труда подавил шепоток

железа. Здесь ли, разрешенная, либо же за Перевалом, но охота не принесет ничего, кроме усталости и эйфории, которые продлятся несколько дней, напроць лишая способности мыслить разумно. В нынешних же обстоятельствах данная способность была необходима.

Самоконтроль спас в Каменном лого.

Позволил удержаться на краю после того, как крепость Гримхольд пала. И позже, когда стало ясно, что Оден жив, и все четыре с половиной года. И допустить срыв именно сейчас?

Невозможно.

Виттар заставил себя навести на столе порядок. Разложив стальные перья по бархатным гнездам, он вернул ножи для бумаг в футляр и выровнял стопку бумаг — кажется, счета с позапрошлого месяца лежат, а у Виттара не доходят руки. Последним действием — пересчет камней на циферблате старого брегета, давным-давно потерявшего точность хода.

Ни один часовщик не брался чинить брегет, хотя деньги Виттар предлагал немалые, но... слишком старая, чересчур ценная вещь.

Вдруг да совсем сломается?

С прошлого раза минутная стрелка сдвинулась на четверть круга. Даже медленное, время уходило. И Виттар захлопнул крышку: пришла пора заняться делом.

Крайт явился по вызову незамедлительно. Хороший щенок, молодой, не в меру наглый, но даровитый, что подтверждает собственную теорию Виттара о вымесках. Появившийся на свет от незаконной связи, Крайт был сильнее человека, но в то же время несоизмеримо слабее любого пса. Живого железа в нем хватало на то, чтобы перекинуться, но броня получалась мягкой, тонкой, как кожа. В отличие от кожи броня рвалась и уже потом, на откате, оставляла глубокие раны.

И плечи Крайта пестрели старыми и свежими шрамами.

Вот и сейчас рука на перевязи, и, судя по скрюченным пальцам, рана отнюдь не пустяковая. Левая половина лица заплыла, даже нельзя сказать, один синяк или несколько. На шее — свежий шов, почти рядом с яремной веной. Повезло ему. В очередной раз повезло.

— Доброго дня, райгрэ Виттар, — не слишком-то бодро произнес Крайт и мазнул ладонью по распухшему носу.

Мальчишка.

Как есть мальчишка. Невысокий, тощий и угловатый, Крайт буквально притягивал неприятности. От людей ему достались мягкие черты лица, веснушки и ярко-рыжие, выгорающие на макушке волосы, которые, ко всему, торчали дыбом — гребни Крайт вечно терял, даже тот, который Виттар самолично повесил ему на шею. И вроде шнурок был прочным, но к концу дня гребня не стало.

Со столь же завидной регулярностью исчезали пуговицы с жилета, восковые карандаши, которые Крайт предпочитал прочим, грифели, линейки, ножи, ножницы и вообще всякие небольшие предметы, оказавшиеся вблизи щенка.

Причем происходило это безо всякого злого умысла с его стороны.

— Опять? — Виттара дразнил запах свежей крови и ланолиновой мази, которую Крайт предпочитал всем прочим.

— Ну... оно само вышло. Тот первым начал и...

В драки Крайт ввязывался с завидным постоянством, все пытаясь доказать кому-то, что достоин зваться псом. Он ведь вышел из Каменного лого, верно? Это ли не лучшее свидетельство... и если раньше Виттар смотрел на забавы сквозь пальцы, то в этот раз

испытал желание взять щенка за горло.

Сколько раз ему было говорено, чтобы не лез туда, куда не просят?

И вот теперь, когда его талант нужен как никогда, Крайт не сможет работать в полную силу.

— Я больше не буду. — Крайт чувствовал настроение. — Мне жаль, что я вас подвел.

— Да. Свободен.

Есть другие нюхачи, пусть и не такие чувствительные...

— Я сумею... — Уходить Крайт и не думал. — Пожалуйста, поверьте, я сумею. Это ерунда. И не помешает. Я привык к такому и... сделаю, что скажете. Все сделаю.

И голос жалобный.

Здоровая щека покраснела, скрывая ржавчину веснушек.

— Вы же ничего не потеряете, если я попробую. — Крайт судорожно сглотнул. — Райгрэ Виттар, вы же знаете, что лучше меня никого нет!

Это было правдой. В противном случае Виттар не стал бы возиться с беспокойным щенком.

— И... и у меня появилась идея. — Он посмел поднять взгляд, но тотчас опустил, всем видом выказывая раскаяние и готовность понести любую кару. — Мы неправильно ищем.

Последняя фраза была произнесена шепотом. Впрочем, вряд ли кто-нибудь, кроме Крайта, посмел бы сказать Виттару в глаза, что он что-то делает неправильно.

— Продолжай.

— Вы... мне сказали посмотреть на тех, кто вышел... оттуда.

И Крайт исполнил приказ. Когда он вернулся, то заперся у себя и просидел три дня, а щека дергалась с неделю. Вымески всегда испытывали трудности с самоконтролем. Еще одна причина, почему Виттар должен себя сдерживать.

— В них не осталось живого железа.

Это Виттар знал.

— Их... суть изменилась. — Теперь Крайт говорил осторожно, тщательно подбирая слова. Пальцы здоровой руки поглаживали больную. А рубашка снова мятая и в пятнах. Жилет расстегнут, зато широкие кожаные подтяжки подняли штаны едва ли не до подмышек. — Она стала более...

— Человеческой?

Теперь раздражение вызывала медлительность.

Ну и носки ярко-красного цвета. Виттар знать не желал, где это недоразумение их выискивает.

— Нет. Скорее детской. Упрощенной. Такой, которая бывает до пробуждения. До Каменного лога.

— И когда ты понял?

Крайт понурился:

— Сегодня. Я знал, что с ними. И знал почему. Это мешало видеть. А сегодня я проснулся...

Наверняка с головной болью, ноющим телом и ощущением совершенной ошибки, за которую придется ответить. Задница предчувствовала очередную порку, побуждая голову к поиску альтернативных решений.

— ...и сообразил. Простите, райгрэ Виттар. Я виноват.

Не он один. Самому Виттару следовало бы сообразить: очевидный же факт. И нет ничего

хуже очевидных фактов, которые до того очевидны, что задуматься над ними не приходит в голову.

— Если внести поправки... я взял на себя смелость...

— Идем. И если ты еще раз влезешь в драку, то сюда не возвращайся. Ясно?

Крайт кивнул.

Принял ли угрозу всерьез? Или опять мимо ушей пропустил, задумавшись над свежим аспектом старой проблемы?

Карта занимала половину стены. Она была настолько подробна, насколько это возможно, и все четыре года Виттар вносил изменения.

Алые мазки жил, сплетавшихся в одну сеть, питаемую Каменным логом. Драгоценные камни городов, поселений и костяные метки крупных усадеб. Дороги. Реки. Линия предгорий. Черная метка — Гримхольд и возрождающийся Перевал. По другую сторону — земли детей лозы.

Гранитные тени Холмов. Изрезанная линия побережья и морская лазурь, за которой скрываются Затерянные острова. При мысли о них руки сжались в кулаки, и живое железо поспешило воспользоваться слабостью. Острые шипы пробили кожу, сплетаясь в тонкую кольчужную броню.

Контроль.

Виттар не имеет права на слабость.

Итак, семьсот шестьдесят три поселения, которые можно условно отнести к городам. Вряд ли бы Мэб снизошла до деревни. И свидетелей не так много — а свидетели нужны, иначе эта месть будет лишена смысла, и ненависти к псам там не испытывают.

— Погаси те, где население превышает десять тысяч. — Виттар разглядывал карту, пытаясь понять, что еще он упускает.

Королевские эмиссары первым делом займутся крупными городами, где и без того уже имеются стационарные гарнизоны. Но Мэб это предвидела бы, как и то, что вряд ли власти захотят проблем с детьми Камня и Железа. Нет, в крупном городе беспризорного пса посадили бы под замок, а затем передали бы своим. Там понимают, что перемены неизбежны...

Яркие точки осыпаются искрами.

— Теперь убери те, которые в пределах пятидесяти лиг от границы. — С одной стороны, там накал эмоций выше, с другой — королевские полки его уравнивают. — А теперь те, что на побережье. — За отправкой кораблей наблюдают. — И сами холмы... радиус дай миль десять.

Осталась широкая полоса. И городов — полторы сотни, меньше, чем было, но больше, чем можно прочесать.

— Я справлюсь, — упрямо повторил Крайт, вытягивая обе ладони к карте. Раненая рука слушалась с трудом, и Крайт несколько раз сжал и разжал пальцы, разгоняя кровь. Он начал раскачиваться, переваливаясь с ноги на ногу. Смысла в этих движениях не было, но Крайт утверждал, что так ему легче сосредоточиться.

Мальчишка.

Но талантливый до безумия. И он такой не один. Вот только какой прок с таланта, если за спиной нет опоры рода? Один шанс — прибиться к чужому дому. И ведь прибивались, приживались как-то, подпитывая истоки родовых жил свежей кровью. Но сейчас чужаков особенно не любят.

Оттого и смотрят на Крайта искоса, а когда снисходят до того, чтобы заметить, дело заканчивается дракой. И бестолочь эта не понимает, что любая из схваток может последней оказаться. Его унижали. Калечили, наказывая за наглость, но оставляли в живых, понимая, перед кем придется отвечать за смерть. Только однажды кто-нибудь поддастся искушению.

Дичающих много.

Злых и зубастых — и того больше. А талантливых, чтобы по-настоящему, чтобы дар и умение, — единицы.

Запереть его, что ли, пока не поумнеет?

Ладони Крайта скользили над картой, то расходясь, то смыкаясь над каменной грудой холмов, словно бы желая скрыть ее от глаз Виттара. И вновь размыкались, выворачивались, зачерпывая невидимые нити. Дергались пальцы и уголки губ, причем левый полз вверх, а правый опускался. Из носа потянулась струйка крови, а заплывший глаз вдруг прорезался.

Виттар налил вина, добавил два куска сахара и щепоть корицы, размешал и нагрел.

И когда мальчишка — он действительно старался, выложившись до капли, не из страха, не из желания угодить, но потому, что мог, — покачнулся и начал оседать, Виттар подхватил его.

Кресло стояло рядом.

— Райгрэ, я... — Губы все еще дергались, и речь была нечленораздельна.

— Пей. — Виттар поднес к губам кубок.

Первый плоток Крайт не сумел удержать, вино потекло по губам, щекам, шее. Крайт попытался вытереться, но руки не слушались. Частичный паралич — нормальное явление, и оба знали, что он пройдет.

— Глотай. — Вино приходилось вливать меж сведенных судорогой губ. И Виттар, честно говоря, опасался, что однажды его подопечный попросту подавится.

На этот раз обошлось.

— От холмов. Круги. Возмущения. На рассвете. Сильное — к побережью. Альяро.

Королева Мэб последней взошла на корабль. А с нею — свита. И каждый из них — сам по себе источник.

— Второе по силе — Крымш.

Городок в сорока лигах от Холмов.

— Но по форме и характеру, — с каждым словом Крайт говорил все лучше, — похоже на отраженное эхо первого выброса. Почти полное соответствие контура в зеркальном преломлении.

Виттар кивнул, показывая, что понимает.

— Есть еще следы...

...которые для большинства королевских нюхачей затерялись бы в шуме первичного выброса, на что Мэб и рассчитывала.

— Вот. — Крайт взмахом руки нарисовал три десятка векторов. — Цвет соответствует яркости, но, — мальчишка выглядел довольным, — если убрать те, где чувствуется след живого железа... — которого в Одене не осталось, — то в итоге...

Пять точек. Города. Похожи друг на друга, как близнецы. Равноудалены от границы и побережья, от крупных городов, от военных гарнизонов. Население в пределах трех — пяти тысяч, преимущественно люди. Впрочем, после лагерей и чисток можно с уверенностью заявить — люди.

Три из пяти возникли на торговых путях. Один — близ карьеров, где добывали белую

глину. И один — на болотах... Все пять отличались преданностью короне Лоз и Терний.

И вряд ли были счастливы поражению в войне.

В каждом из этих пяти городков пса убьют быстро и жестоко.

Но Оден был жив. Почему? И как долго продлится это везение? Виттар надеялся, что его хватит до прибытия поисковых отрядов. Он не собирался отвлекать королевских эмиссаров, имелись собственные люди.

Пять точек.

Пять контуров переноса. И родовой жилы хватит, если создавать узкие коридоры, ограниченные по времени существования. Часа три-четыре... мало.

Значит, цеплять якорь придется как можно ближе к городу.

В крайнем случае всегда остается вариант возвращения стандартным способом.

— К утру я расчеты сделаю. И контуры набросаю. Останется только открыть...

К утру? Слишком долго, но торопить нельзя. Ошибка в расчетах грозит обвалом коридора или вообще спровоцирует каскад с взрывом в финале. Нет, свою работу Крайт сделает без понуканий.

— Райгрэ, — Крайт допил вино и привычно обнаглел, — вы пойдете?

— Не знаю пока.

Его тянет отправиться по ту сторону хребта, не отпускает мысль, что именно Виттар поймает нужный след, он ведь брат, он почует, узнает, услышит по голосу крови, но... эмоциям не стоит поддаваться. Способностями Крайта Виттар не обладает.

Его задача в ином.

Кто-то должен отвести энергию жилы. И контролировать наполнение.

А потом? Ждать?

— Посмотрим. Если хватит сил. — Мальчишка заслужил ответ.

— А я?

— А ты... — Не хотелось бы рисковать. — Куда хочешь?

Крайт не глядя ткнул в карту, и из пяти огоньков остался один.

— Почему?

— Не знаю, — ответил он. — Просто... название смешное.

Он густо покраснел, стесняясь того, что выбор его обусловлен такой мелочью, неуместной в подобных обстоятельствах. Но... не все звуки разум слышит отчетливо.

И Виттар посмотрел на городок, раздумывая о том, что, возможно, имеет смысл возглавить именно этот отряд. В конце концов, стабилизированная жила в особом контроле не нуждается. А Виттар просто проверит, глядишь, на месте тот самый звук, который привлеч внимание Крайта, хотя и не на уровне разума, зазвучит яснее.

Глава 6

О войне и мире

Мироздание соизволило мне улыбнуться, что было довольно-таки подозрительно. Мой жизненный опыт подсказывал, что за каждой такой улыбкой следует хороший пинок, и, вместо того чтобы радоваться жизни, я мысленно нащупывала пути к отступлению.

Уходить придется по воде: лесу я не настолько доверяю, точнее, не доверяю совершенно. С него станется вывести на след собак, обычных, четвероногих, за которыми, как правило, идут всадники с арбалетами, копьями и желанием потешить душу хорошей травлей. И если одна я с легкостью избавилась бы от такого сопровождения, то пес все осложнял.

Хорошая мишень. Большая. Неповоротливая...

Безопасная для охотничков.

Нет, может, конечно, повезет и все обойдется, но... уходить лучше по воде.

Она же подсказала путь.

Ручей не исчезал, но, наполняясь силой подземных родников, расширялся и превращался в полновесную речушку с топким илистым дном и неторопливым течением. Вода шептала о том, что дальше речушка разбивалась на рукава, поила землю без леса и пряталась под камнями. Там же, набравшись глубинного жара, выносила на поверхность мертвую бурую землю, горячую и едкую.

Полагаю, речь идет о серных источниках, которые, если я правильно помню, должны быть южнее. Почти по пути... Сера воняет, и собаки будут бесполезны. Моему псу тоже придется нелегко, но тут уж потерпит как-нибудь.

Одно меня смущало. Вода говорила, что до источников «далеко», а в ее понимании это означало от нескольких лиг до нескольких десятков лиг, которые придется преодолеть мало того что пешком, так и по открытой местности.

Мироздание помалкивало, не спеша облегчить мне работу.

Оно и так было добрым.

На топком берегу, под молодой порослью мучного ореха, я и вправду выкопала полторы дюжины прошлогодних плодов, крупных, с мой кулак, в плотной осклизлой коже, которая на солнце быстро подсыхала и трескалась. А в силки попался заяц.

— С чего вдруг такие подарки? — поинтересовалась я у леса.

Он не ответил, только уронил на волосы сережку вяза.

Зайца я освежевала на месте, закопав шкуру и потроха в кучу листвы: лес имел право на долю в добыче. И цепочка муравьев тотчас устремилась по кровяному следу.

Мясо — это хорошо... Мяса я и сама давненько не видела. С последнего хутора, кажется, где со мной расплатились салом, колечком сухой домашней колбасы и связкой сушеных лещей. Когда это было? Не помню. В лесу все дни похожи друг на друга, и легко заблудиться во времени.

Калужница как раз зацветала... и дождь шел. Точно, дождь помню распрекрасно и то, как пожилой хозяин хутора уговаривал остаться на ночь. Темно было, слякотно снаружи, а при доме аккуратно баню растопили, и местечко мне на самой печи обещано было, теплое...

Он говорил и руки потирал, красные, растрескавшиеся. И медное колечко почти слилось с выдубленной кожей, вросло в плоть.

Я на колечко и глядела.

А потом вдруг поймала на себе цепкий жадный хозяйкин взгляд и передумала оставаться. Женщин куда сложнее обмануть, особенно таких, которые долго живут при лесе и научились слушать.

Останавливать не посмели.

Конечно, может, люди и вправду решили проявить доброту, но лучше ночь помокнуть, чем очнуться в погребке... а то и вовсе на поле.

Весна — удачное время для ритуалов.

А вот колбаса была хорошей, с чесноком и тмином... жаль, закончилась быстро.

Завернув тушку в листья лопуха, я занялась травами, которые лес любезно подсовывал под руки. Дуб, ромашка... чистотел вот. И чабрец, из которого выйдет чай. Пара веток прошлогодней брусники с красными ягодами. Полынь, душица... медвяника только-только зацвела, созывая пчелиные рои. И даже редкий, не по сезону выбравшийся белокрестник, чьи мясистые побеги я выкапывала руками. Лучше нет средства от кожных язв, чем сок белокрестника.

И чем дальше, тем отчетливей становилось понимание: уходить придется быстро.

Лес презрительно молчал.

Но в привычном его шелесте не было звуков иных, непривычных, которые предупредили бы о близкой опасности. И пес никуда не исчез. Уж не знаю, боялась ли я подобного поворота дел или же надеялась на него, но Оден сидел в гнезде и, вытянув перед собой руки, сжимал и разжимал пальцы, вращал кистями, сгибал в локтях, осторожно поводил плечами, заново свыкаясь со своим телом.

Ему самому не нравилась собственная беспомощность.

— Эй! — Я подала голос, но опоздала на долю секунды: пес уже повернулся ко мне. Почуял? — Это я. Вернулась.

Пес втянул воздух и на выдохе произнес.

— Кровь? Рана?

— Заяц.

Кивок.

— В сумке — тина?

— Это мучной орех, но он в тине был, так что да, тина.

— И трава?

Сам он трава. Впрочем, для псов все, что зеленое и растет, — или трава, или куст, или дерево. Нюансы их интересуют мало.

— Стой, — велел Оден.

Надо же, только-только в себя приходите стали, а уже командуем. Ну да привычка — не железо, из крови не выплавишь. Пес поднялся и направился ко мне. Он ступал медленно, останавливаясь на каждом шаге, поводя головой, приносиваясь. Слепой? Забыла, Эйо, что у него другое зрение имеется.

— И как? — поинтересовалась я.

С такой скоростью мы далеко не уйдем...

— Сложно. Будет лучше. Надо привыкнуть.

Оден остановился в шаге от меня и протянул руку, да так и застыл с растопыренной пятерней, ожидая ответа. И я ответила прикосновением. Странно. Ладонь к ладони. Его — огромная и теплая, мои пальцы едва достают до края. И выглядят такими нелепо-хрупкими.

Палочки. И вспухшие узлы связок.

Я сильная, иначе не выжила бы, а тут...

Оден осторожно сжал руку и наклонился.

А ладонь грязная... в заячьей крови, которая осталась под ногтями, в земле, в травяном соке... наверное, я принесла все ароматы леса.

— Серебро. Вереск. Мед. Хороший запах.

Вот так просто? По запаху? Мама и вправду по одной линии из серебряных была. А папа вересковый мед варил...

— Разрешишь?

Пальцы коснулись щеки.

Любопытный, значит. И мне самой на его месте было бы интересно. Но есть нюанс, промолчать о котором не выйдет.

Я высвободила руку и предупредила:

— Не думаю, что тебе понравится. Во мне есть кровь альвов.

Уточнять сколько, не станем.

— Я понял. Лес. Слышишь. Альв. Люди нет. Мы нет.

Выходит, без подсказки додумался. И как дальше быть? Оден все еще ждал разрешения.

— Я помню. Ты помогаешь. Не выживу. Не трону.

Что ж, если так, то пожалуйста...

Оден не спешит.

Подбородок. Губы. Нос. Линия бровей. Ресницы трогает осторожно, кажется, боится причинить мне вред. Гладит волосы, внимательно ощупывает уши, наверное, пытаюсь определить, сколько же во мне чужой крови. Хмурится. Переключает внимание на шею... А вот под рубашку лезть не стоит.

— И как? — Я перехватываю его руку и отвожу в сторону.

— Не складывается.

Для этого опыт нужен. Наверное. Я плохо представляю, что такое слепота, пожалуй, это страшно. Но... пусть я буду девушкой без лица, чем той, чей вид вызывает отвращение.

— Ты высокая. Для человека.

Кровь такая... мешаная.

Мама была выше папы на полторы головы. Он носил ботинки на толстой подошве, а она никогда не делала высоких причесок. Наверное, над ними смеялись, даже скорее всего смеялись, но мне эта их разница казалась чем-то естественным.

— Я сказать плохо?

— Нет.

Не его вина, что однажды началась война. И что докатилась она до побережья, до маленького городка, где соседи знали друг друга и потому двери домов никогда не закрывались. И сами эти дома были нарядными, как игрушки, особенно по весне, когда распускались гиацинты — белые, лиловые, красные и нежно-золотистые, сорта «Шампань». Потом наступало время нарциссов... тюльпанов... фрезий, роз и высоких ирисов, чьи восковые лепестки Найо Барру добавляла в отбеливающие кремы, в ароматные воды и, кажется, даже в варенье.

Ей просто нравились ирисы.

В лагере она рисовала их на песке и горько плакала, когда кто-то наступал на рисунок. Найо Барру была слишком стара, чтобы выдержать долго, умерла в первый же месяц, так и не

сумев поверить в реальность происходящего. А может, и к лучшему, что умерла... в первый месяц — не так страшно было.

— Завтра на рассвете уходим.

Уж лучше говорить о будущем, чем о прошлом.

И Оден, к счастью, не стал приставать с вопросами. Он развернулся и пошел по собственному следу, двигаясь куда как уверенней. Вот и молодец. Пусть тренируется.

Я себя тоже займу.

Выкину проклятые ирисы из головы... а они все не уходили и не уходили. Палисадники. Домашний виноград, который зрел долго, но, вызревая, становился сладким до невозможности. И отец срезал его целыми гроздьями, складывая в дубовые бочки.

Их мыли за неделю до сбора, и я ненавидела эту работу, вечно потом руки в занозах были.

Вино делали все, не на продажу, но принято было; в каждом дворе — свой маленький секрет, который делает вино особым. И я еще помню терпкую сладость муската, цвет его янтарный, золотой...

...убей его, и станет легче.

Лес знал, когда вступить в беседу. Но он неправ: не станет. Я знаю, мне пришлось убить, пусть не пса, но... какая разница? Чужая смерть, как дурман-трава, дает лишь временное облегчение, а потом только хуже.

— Оден, не уходи далеко, — попросила я.

Он добрался до бочага и, сев на краю, трогал воду. Она же радовалась знакомству и спешила играть, подсовывая ему то листья, то пучки травы, то ряску.

И одежду его почистила: намокнув, лохмотья стали почти неподъемными. Я бросила их на ветку: до утра, если повезет, высохнут.

— Там птица. — Нырять Оден не стал. Все-таки на редкость благоразумный у меня спутник. — Прилетела. Убил.

Ворон, и крупный, тоже удача. Мясо, конечно, будет жестким и с душком... пожалуй, его имеет смысл подкоптить слегка. И часть зайца тоже. Остальное сварим.

Плохо, что соль почти закончилась и котелок один, зато, как я и предполагала, чистый. Наполнить водой, поставить на огонь, подбросить пару сухих веток и заняться орехами.

Оден, обойдя поляну по кругу, — чем дальше, тем свободнее он себя чувствовал, — вернулся к гнезду.

— Что помочь?

— Ничего.

Я не гордая, я мыслю здраво: в нынешнем состоянии он бесполезен. Хотя...

— Травы для тебя одинаково пахнут или по-разному?

Подумал и вполне уверенно ответил:

— Разные.

Тогда польза будет. Я развязала узел, в который собирала травы:

— Надо разобрать. Сможешь?

Откажется? Сочтет предложение унижающим род и кровь? Но нет, Оден осторожно разворошил зеленую гору — побеги белокрестника я благоразумно положила отдельно — и вытащил тонкий стебелек.

— Это?

— Ромашка. Хорошо успокаивает. И воспаление снимает. Вообще очень полезная трава,

запах у нее резкий, характерный. Зачем тебе?

Псам не нужны травы, у них живое железо есть. У альвов — сок лозы. И только полукровкам да людям приходится использовать то, чем мир богат.

— Интересно. Много всего. Хочу знать. — Он прикусил губу, пытаясь облечь мысли в слова. — Говорить. Отвык. Слушать. Голос. Нравится.

То есть Одену уже давно не случалось разговаривать, и голос мой ему приятен.

— Это мята. — Я занялась мучными орехами. Кожуру их следовало снимать аккуратно, стараясь не повредить розовую рыхлую мякоть. — Она приятно пахнет.

Оден фыркнул и поморщился, с его точки зрения, запах мяты определенно не был приятным.

— Хороша при тошноте, например, если беременность тяжелая... — Ну это ему тоже как-то не грозит. — Еще при сердечных болях. Или когда десны гноиться начинают. Но тогда ее с дубовой корой и липой смешивать надо... Нет, это медвяник, хотя и очень похож.

— Помню. Чай. Вкусный.

Медвяник он нюхал долго, жмурился, возможно вспоминая тот самый вкусный чай.

— Ее для глаз заварю... Котовник.

Котовник Оден брезгливо, двумя пальцами откладывает в сторону, подальше от себя. Понимаю: котовник воняет куда сильнее мяты, и сомнительно, чтобы кошачья травка собаке по вкусу пришлась бы.

Закипает вода. Обдав ворона кипятком, я на несколько минут закапываю тушку в листья — пусть дойдет. Был бы теплым, и без кипятка обошлась бы. Не люблю ошипывать птицу...

...мама покупала кур в мясной лавке, что стояла на перекрестке. И я ходила с ней, училась выбирать по запаху, по виду, отличать корейку от грудинки и вырезки. Найо Лангам был неизменно любезен... он до последнего оставался любезным, даже когда явился в наш дом с зеленой повязкой на рукаве.

Ничего личного.

Предписание.

— Ты молчишь. Что?

— Ничего.

Просто воспоминания.

— Война? Была?

Была. Пришла и осталась. И все вдруг стало другим, особенно люди.

— Кто погиб? — Оден был настойчив, даже назойлив настолько, что мне захотелось его ударить. Какое ему дело, кто у меня погиб? Но я заставила себя вернуться к работе.

Ромашка, мята и подорожник. Несколько молодых побегов малины. Медвяник. Главное, не дать перекипеть. Накрыть плащом и отставить в сторонку. Пусть остынет.

— Все погибли. — Я все-таки ответила, зачем — сама не знаю. — Возможно, что все.

Я ведь не знаю, что с братом. Он остался по ту сторону гор. Погиб? Выжил? Если да, то наверняка изменился. И, быть может, меня ненавидит. Будет забавно, если он свернет мне шею, но в чем-то закономерено.

Оден больше не лез с вопросами, а я вымещала злость на вороне, представляя, что вижу... кого?

...бывших соседей, ставших вдруг врагами?

...лагерную охрану?

...женщину, что сидела на приемке и отбирала вещи? Смена белья. Чулки. Ботинки.

Остальное выдадут.

...других, работавших в карантине? Они обривали головы, но не со зла, а чтобы вши не завелись.

...хозяйку кухни, надевшую на меня ошейник? За воровство могли бы наказать сильнее, а эта проявила жалость, пусть тогда эта жалость казалась мне пыткой.

...или тех женщин, с раздачи?

...или тех, кто нормы выдачи устанавливал.

...или лучше все же тех, кто вообще придумал эту нелепую систему.

...кто войну начал.

Кого мне ненавидеть? И снова в груди тяжелый ком, который мешает дышать.

— Эй, ты хочешь чего?

Вопрос заставил меня очнуться. Да что за день такой? Я ведь уже научилась не думать, не вспоминать, не искать виноватых.

А тут он вылез.

— Хочу...

...чтобы родители воскресли и люди стали прежними, и городок, в котором я выросла, тоже. Чтобы не было войны и даже памяти о ней.

...и о храме забыть, который притворился домом.

...о Матери-жрице, танцующей под дождем, о молниях, что слетались ей на руки, позволяя выпить себя, о собственном стыдливом желании повторить этот танец.

...о свадьбе Ниоры и ритуале.

...о черных алмазах.

...о побеге и тени, заступившей путь, о ноже, который я стащила с кухни. И о захлестывающей, лишающей разума ненависти.

Сколько раз я ударила?

...о крови на собственных руках и во снах тоже, об игре в прятки на крышах домов.

...о дороге, такой бесконечной, — я уже и не верю, что когда-нибудь дойду.

Только надо быть реалистом.

— Хочу свой дом, пусть маленький, но такой, куда я могла бы возвращаться. Кровать хочу, и чтобы непременно с постельным бельем.

— Лен. Шелк — скользкий.

Не знаю, шелковое белье нам было не по карману, но поверю на слово.

— И ванна... и еще чтобы знать, что хлеб будет завтра, послезавтра... ну и не только хлеб.

— Мясо, — согласился Оден. — Перепелки в меду. Пирог. Черемша. Лось языка... язык лося.

В ближайшей перспективе нас ждет сушеный ворон с гарниром из мучных орехов, которые уже начали подсыхать, но о перепелках и прочих радостях жизни я помечтать готова.

— Мой род... сильный. Из Великих. Много денег. Земли. Я дам тебе дом. Райгрэ, — сказал Оден, ткнув себя пальцем в грудь, словно помимо него были еще кандидатуры.

Райгрэ... старший рода. Вожак. И если так, то он действительно способен дать и землю, и дом, и защиту.

— Нам все равно по пути. — На ту сторону одна дорога, но почему-то мне не хотелось давать обещаний. — Давай-ка тобой займемся?

Травы, вода и немного силы, которая меняет изначальные свойства. Я закрываю глаза,

пытаясь сплести тончайшую сеть, это как кружево, только сложнее. С кружевом у меня никогда не выходило, и тут оно рвется, получается тяжелым, кривоватым, но какое уж есть.

В конце концов я альва лишь наполовину.

Глава 7

Охота

Крайт все-таки был хорош.

Он поставил якорь именно там, где наметил: в полулиге от городка. И контуры для сети создал прочные, пусть и несколько иной формы, нежели принято.

— Меньше энергии уйдет. Тут ребра жесткости так поставлены, что он сам себя поддерживает. — Крайт потер лицо, которое выглядело уже почти нормально. А рука по-прежнему на перевязи...

Бестолочь.

Виттар отбросил лишние мысли. Привычно осыпалась шелуха эмоций, а тело наполнялось знакомой силой: рудная жила легко откликнулась на зов. Тяжелели руки. Неподъемной становилась голова. И сам мир вокруг выворачивался наизнанку. Глухо, медленно стучало сердце земли, и оставалось лишь направить энергию в рукава.

Одна за другой разворачивались промоины порталов. Чужие переходы отзывались болезненным дрожанием пространственных струн, но Виттар гасил откаты. Последним открылся пятый рукав.

— Вперед! — Аргейм знал, что делать.

Первая двойка. Сам Аргейм, который взял под уздцы коня Виттара — момент перехода вызвал приступ головокружения и легкую дезориентацию, — и прикрытие арьергарда.

Другое место. Пустое.

Здесь не было знакомого плетения силовых линий, и мир оттого ощущался мертвым. Несколько мгновений потребовалось, чтобы прийти в себя и стабилизировать жилу. Она была далеко и в то же время рядом, готовая подчиниться его воле, питающая пять лучей.

Контуры и вправду держались неплохо, что в перспективе давало выигрыш во времени.

И все-таки чужая земля, неудобная, пусть отныне и принадлежит она детям Камня и Железа.

Поле. Зелень пшеницы, которая только собирается выбросить колос. Тонкая размытая полоска леса на горизонте. Слева городские стены, невысокие — давно уже не стены защищают города. Круглая дозорная башня с колоколом.

Грозный голос его летел над землей.

Крайт вертелся в седле, принюхиваясь.

Пахло землей. Навозом. Животными. Виттар привычно изолировал в сознании те запахи, которые его десятка принесла с собой.

...шагах в десяти куропатка сидит над гнездом.

...свежий лисий след вьется по краю поля.

...падаль в канаве.

— Райгрэ! — Крайт привстал на стременах. — В город не надо. Нам надо к лесу... Скорее. Нет, там не... не знаю, но если мы не успеем, будет плохо.

Лицо Аргейма дернулось: Крайт раздражал его своей откровенной слабостью, отсутствием надлежащего почтения к вожаку. Вместе с тем он понимал, что без этого бесполезного в бою щенка не обойтись. О да, он предпочел бы, чтобы жилы наградили ценным даром кого-нибудь более достойного.

Виттар потряс головой, избавляясь от привычной слабости. Арка сети была стабильна, вот только свободной силы остались крохи.

А Крайт, развернув лошадку, уже несся к лесу. Он почти распластался на конской шее и знай подстегивал животное.

— Без головы останется когда-нибудь, — заметил Аргейм.

— За ним.

Выпороть щенка. Вернуться домой и выпороть. За беспечность. За наивность. За порывы прекрасные, которые всем дорого обойтись могут. И плевать, что Крайт войну видел лишь издали, что никогда вот так, с разбегу, не налетал на волчьи ямы, на ловчие лозы, на землю, пропитанную черным маслом, что вспыхивает от одной искры, и стена холодного чужого огня летит, сметая всех. От нее не защитит и живое железо.

Он, конечно, слышал истории о разрыв-цветах, которые распускаются над полем, окрашивая небо в лиловый цвет безумия. О водяных окнах, что вдруг раскрываются на твердой и вроде бы надежной земле. О болотной тлени с вечным ее голодом.

Это все было, но... отдельно от Крайта.

Полоса малинника остановила беглеца. И Крайт, резко подняв лошадку на дыбы, — да что с ним творится-то? — вертел головой.

— Здесь... скоро... туда надо... надо туда...

— Стоять! — рявкнул Виттар.

Крайт не услышал или сделал вид, что не слышит, ринулся в черноту леса. Виттар, мысленно пообещав себе, что лично за вожжи возьмется, направился следом.

Буковый лес. Немертвый.

Огромные деревья поднимаются к небу и, сплетаясь ветвями, держат друг друга. Их кора неестественного красного цвета, и кажется, что буки освежевали. Широкие листья — будто черепица, и под покровом буков темно. Редкие лучи света пронизывают темноту, словно стрелы, чтобы увязнуть в листе.

И лошади замедляют шаг.

Запахи размыты: лес не желает помогать чужакам. И след Крайта тает...

Люди Аргейма, не дожидаясь приказа, надевали броню.

Шелестели листья под ногами лошадей. Шелестели листья над головой. Шелестели крылья птицы, что скользила в плотной вязи ветвей. Виттар видел ее тень, но, сколь ни силился, не мог разглядеть саму птицу. В лесах альвов случалось и не такое...

Крайт, бестолковый щенок, во что ты ввязался?

— Стой! — Виттар спешил и, стащив куртку, бросил на седло. — Ждать. Занять оборону. Подготовить отход.

Предчувствие было мерзким, а после Раббарна, который в одночасье перестал существовать, когда водяной табун смел плотину, Виттар был склонен доверять своим предчувствием.

— Вы собираетесь...

Перекинуться.

От одежды Виттар избавлялся так быстро, как мог, стараясь не отвлекаться на птицу, подобравшуюся чересчур близко. Чудилось — вот-вот соскользнет с ветки, норовя когтями да по глазам ударить.

Живое железо рвануло, чувствуя свободу. Волна знакомого жара прокатилась по телу, изменяя. Колыхнулась, рискуя осыпаться, сеть, но Виттар удержал-таки.

А возвращаться придется на четырех ногах, второго оборота сеть не выдержит.

И мир поплыл. Запахи. Звуки.

Сзади — свои. По листьям синей нитью след вьется. И лес молчит, наблюдая за железным псом. Сложнее всего удержать разум, но у Виттара получается. Он осаживает первый порыв, заставляя себя ступать осторожно. Внезапное прикосновение ветра заставляет замереть.

Любопытство?

Лес не видел таких животных? Он трогает зубы, ощупывает стальные иглы брони, осторожно касается спинных шипов и тут же ластится, пытаясь пробраться под металл доспеха, поражаясь тому, что неживое способно стать живым.

У всех свои секреты.

Лапы проваливаются в вязи корней, мха и гнили. Это тело тяжелое и в чем-то менее удобное, но все же в нем безопасней. И шаг переходит в бег...

Виттар выбрался на поляну вовремя.

Лошадь издыхала. Она еще пыталась встать, но падала, оскальзываясь на мокрых листьях, ломая тростинки стрел. Ее не спешили добить, имелась добыча куда как интересней: на другом краю хрипели псы, пытаясь добраться до того, кто прижимался к темному древесному стволу.

Между ним и псами стоял Крайт.

Перекинулся и топорщил редкие иглы вдоль позвоночника, пытаясь выглядеть более грозным, чем был. Рычал. Клацал зубами, привставал на задние лапы. И псы верили, норовили отползти, но люди гнали их вперед. Двухногих охотников четверо. Трое — точно люди. От четвертого тянет характерной прозеленью, и запах этот вызывает в груди глухое клочкотание. Благо звук тонет среди прочих.

Серый волкодав все же решается: он заходит сбоку и нападает, норовя ударить Крайта грудью в плечо. Клацают клыки. И песий рык переходит в скулеж.

Свежая кровь льется под корни старого бука. Тот пьет жадно, не оставляя на листьях ни капли. А псы отступают, и охотникам это не по нраву. Высокий парень в зеленой куртке пинает бурого кобеля, пытаясь придать ему храбрости.

— Ату его!

— погоди. — В руках его спутника, того, который пахнет альвами, появляется лук.

Охотник не собирался Крайта убивать — кровь пустить, показать псам, что грозный враг их не столь грозен. И стрелять не спешит, стрелу накладывает так, чтобы Крайт видел. Водит влево-вправо, заставляя мальчишку метаться в тщетной попытке уйти из-под прицела.

— никогда не надо спешить... — Альву нравится чужая беспомощность. — Сейчас подойдут остальные...

Стрела слетела с тетивы, взрезав доспех на предплечье Крайта.

— Все они грозные издали... — Альв достал вторую, с белым нарядным оперением и треугольным наконечником, кромка которого остра. — А если ближе подойти, то... ошибка природы.

Виттар согласился. Ошибка. И за эту ошибку Крайт еще заплатит, но позже, когда домой вернется. Щенок наконец ощутил присутствие старшего и распластался по земле. Правда, охотники истолковали его поведение по-своему.

— Видишь...

Договорить Виттар не позволил — прыгнул. Кого-то сбил, повернулся, придавливая, с

удовольствием ощущая, как хрустят под его весом кости. И тут же, наступив лапой на что-то мягкое, податливое, рванул. Когти выпустил, пробивая насквозь и тело, и бесполезный человеческий доспех. От воя заложило уши, а сквозь медный запах крови пробрался тот, другой, раздражающий, который травянистый, который врага. Завизжали, шалея, лошади, кажется, сорвались, исчезнув в сумраке... животные умнее людей.

Белоперая стрела скользнула по чешуе с мерзким скрежещущим звуком. Вторая попыталась пробить лобную пластину, но отскочила... Виттар позволил выстрелить в третий раз... почему нет? Альв ведь уверен в собственных силах.

Или уверенность закончилась?

Отступает шаг за шагом, не отводя взгляда, и новая стрела уже дрожит на тетиве.

Страшно?

Виттар для разнообразия стрелу поймал, пережевал и выплюнул. Высший — это не мальчишка-вымесок, который только и умеет, что грозно рычать.

— Давай просто разойдемся? — предложил альв, роняя лук. И к мечу не потянулся, понимая, что бесполезно. — Признаю, что был неправ...

Он поднял руки и опустил на колени.

— Война окончена... и за меня заплатят выкуп.

Будь он человеком, Виттар согласился бы: к чему бессмысленные смерти. Но полновесным человеком этот узколицый зеленоглазый не был...

К альвам — счет особый.

И понял же. Попытался подняться, но не успел. Даже если бы успел, далеко не ушел бы, хотя, конечно, когда бегут — веселее, больше похоже на охоту. Альв вытянул руки в тщетной надежде оттолкнуть железную пасть. И рук лишился. Сухо ломались кости. Рот наполнялся солоноватой кровью, вкус которой дурманил. И Виттар, с легкостью подкинув тело, поймал его, сдавил, круша ребра, снова подбросил...

Он позволял игрушке падать, подхватывал, тащил, раздирая на куски.

И это было замечательно.

— Райгрэ! Остановитесь! — Дрожащий голос прорвал пелену гнева. — Райгрэ, он уже мертв! Он давно мертв! Хватит!

Крайт стоял на том же месте и, стоило повернуться к нему, упал на одно колено, подставляя шею.

— Он уже совсем умер... — Мальчишка договорил шепотом. — Вы его...

Беднягу вырвало.

Кажется, Виттар несколько увлекся. То, что осталось от альва, медленно исчезало в листве. На поляну устремились черные колонны муравьев, и душный мясной запах вскоре привлечет других хищников. Подобное к подобному. Лес спрячет останки и бывшего хозяина, и людей, чьи тела, пусть искореженные, но более-менее целые, лежали на краю поляны. Кажется, кто-то был жив.

Собаки, как и лошади, убрались.

— Райгрэ, я... прошу простить... что я посмел... — Крайт дрожал, и чем ближе подходил Виттар, тем сильнее становилась дрожь. Сам в крови и грязи, боится, но не бежит. — Вмешаться...

Посмел. Вмешался. Остановил, тогда как Виттару следовало остановиться самому.

Потеря контроля — это плохо.

Он ткнул Крайта носом, и тот верно истолковал приказ. Поднялся, и стало очевидно, что

на ногах он держится с трудом. В этом обличе точно не дойдет. Благо сам сообразил. Перекидывался медленно — силенок долго держать броню, тем более в полной ипостаси, не было, но хотя бы остов сотворить сумел. Ничего, до лошадей доберется, а там — домой. Если Виттар правильно понял, причин оставаться больше нет. Обойдя Крайта, он двинулся к дереву, пытаясь разглядеть того, кто прятался в его тени.

Не Оден.

Из детей Камня и Железа, но не Оден.

Это сказал запах.

Женщина. Девушка. Совсем молода, едва ли старше Крайта, ранена и напугана. Но, несмотря на страх, она выступила из тени и склонилась перед вожаком.

— Торхилд из рода Темной Ртути.

Ртуть? Что ж, теперь ясно, почему Крайт не ощутил живого железа на этом направлении. Еще одна шутка Туманной Королевы. А девчонку гнали, давно, поторапливая стрелами... на ней дюжина порезов, не опасных, но наверняка болезненных.

Как она вообще здесь очутилась?

Род Ртути не воюет. Они и перекинуться не в состоянии. Ученые. Музыканты. Живописцы...

Торхилд, не дождавшись ответа, подняла голову, заглянула в глаза и, сглотнув, проговорила:

— Вверяю свою жизнь, честь и душу райгрэ. Молю о защите и покровительстве.

Она что, боится, что Виттар ее бросит посреди леса? Только женщине такое в голову могло прийти. Но Торхилд протягивала сложенные лодочкой руки и смотрела так, словно вот-вот разрыдается.

Пускай. Это ненадолго.

Дома он передаст ее сородичам... Ртуть, пусть и не относилась к Великим родам, была многочисленна и богата. Их женщины рождали здоровых щенков, и мало кто из отмеченных Ртутью оставался в Каменном лого. Впрочем, и особой силы у них никогда не было. Но сейчас это не имело значения. Женщина ждала, и Виттар коснулся ладоней носом, вдыхая терпкий сладкий аромат.

Крайт сойдет за свидетеля.

Однако следовало возвращаться: вряд ли в округе вдруг обнаружится еще один пес. А закрыв этот канал, Виттар сумеет перераспределить энергию, выигрывая время для остальных.

Подопечная встала, всем видом показывая, что готова проследовать хоть на край мира. Вот только сил у нее осталось едва ли шагов на десять. Виттар чувствовал пустоту внутри: пусть Ртуть и не так зависит от рудных жил, но эта женщина исчерпала себя досуха.

Он подошел к ней, лег и, наклонив голову, опустил шипы.

Не поняла.

Или испугалась крови? Чиститься придется долго, но сейчас Виттару не до женских капризов. Где одни охотники, там могут быть и другие. А ввязываться в драку с неизвестным противником на чужой территории, притом что веского повода для драки нет, как минимум глупо.

Он толкнул Торхилд головой и заворчал.

Поняла. Села на спину, бочком, привыкла небось в дамском седле ездить. Ох, руда первозданная, за что такое наказание? Виттар ей не лошадь. И дамского седла на нем не

наблюдается. Рывкнул, встряхнулся, сбрасывая подопечную на листья, и вновь лег. Сообразила, слава богам, забралась, вытянулась вдоль спины и, сжав бока коленками — тоже еще наездница, — обняла за шею.

Сунув руки меж шейных игл, Торхилд пробормотала:

— Простите, райгрэ, я постараюсь осторожно...

Почему-то эти слова рассмешили.

Постарается она. Будет хорошо, если постарается не упасть. Идти приходилось медленно, не столько из-за девушки, сколько из-за Крайта, который слабел и умудрялся хромать сразу на четыре лапы. А хвост и вовсе дохлой змеей по листьям волочился. Но если Крайт думал, что несчастный вид избавит его от неприятностей, то ошибался.

Порка неизбежна.

Но дома.

А предчувствие смолкло. Неужели дело в этой тщедушной девчонке, в которой и весу-то не осталось? Сидит. Всклипывает. Плачет? И по какому же поводу? Виттар никогда не понимал женщин. Осталась жива. Вернется домой. Залижет раны и забудет нынешний лес, как страшный сон. Ей бы радоваться, а она ему в чешую ржавчины добавляет.

Аргейм если и удивился подобной находке, то виду не подал. Крайта, у которого только и осталось силенок, что перекинуться, за шкуру поднял в седло. И руку девушке протянул, но та принимать не спешила.

Она что, на Виттаре домой ехать собралась?

Глухое ворчание подсказало ей, что решение было ошибочным. Правильно, вот на лошади пусть и едет. Жеребец смирный, как-нибудь справится.

— Райгрэ?

На вопрос Аргейма Виттар покачал головой: не здесь. Смена облика может повредить сети, а до дома Виттар как-нибудь дотянет.

Да и мало ли... Но лес, удовлетворившись четырьмя жертвами, — ему было безразлично, кто именно вернется к корням, — не спешил чинить преград. Поле встретило стрекотом кузнечиков и всполошенным криком козодоя, который проснулся не вовремя.

Переход принес головную боль, которая вскоре станет невыносимой, и тошноту. Оттого и железо отступало тяжело, нехотя. Все-таки не надо было ввязываться в авантюру.

Но глупо жалеть о том, что уже сделано.

Несколько секунд Виттар стоял, упиравшись руками в стену, пытаясь справиться с головокружением. Во рту напоминанием о недавних событиях был мерзкий вкус крови.

Или не такой уж и мерзкий? Плохо, если начинает нравиться... Сегодня убил, хоть разодрав в клочья, но только убил. А завтра?

Как скоро он дойдет до того, чтобы попробовать?

И стоит ли рассказывать королю?

Крайт промолчит. Девчонка... вряд ли она вообще поняла хоть что-то. А если и поняла, то недолгая беседа наедине убедит ее, что об увиденном следует забыть.

Не выход.

Проблема существует. И сама собой не исчезнет.

Виттар вытер рот и поморщился — засыхающая кровь на коже воспринималась иначе, чем кровь на доспехе. Эта — раздражала.

— Крайт! — Голосовые связки растерли первое слово в рык.

— Вы... — кажется, Крайт решил, что терять больше нечего, — меня прогоните?

И лишиться талантливого нюхача?

— Я тебя выпорю так, что ты неделю лежать будешь.

— Спасибо, райгрэ!

Просиял, разулыбался... Если полезет обниматься, Виттар прямо на месте порку и устроит. Щенок... Как от такого разумности ждать?

Торхилд из рода Темной Ртути держалась в тени и вид имела такой, словно пороть собирались ее. Высокая. Худая, но не сказать, чтобы изможденная, скорее уж родовое качество, как и некая плавность линий фигуры. И движения текучие, тягучие...

Красиво, пожалуй.

К роду Ртути следовало присмотреться пристальней.

— Дозволено ли мне будет узнать имя райгрэ? — И голос у нее приятный.

— Виттар. Из рода Красного Золота.

Все-таки он категорически не понимал женщин. Она в безопасности. Зачем в обморок падать?

Но вскоре странности поведения подопечной отошли на второй план: из четырех групп лишь одна вернулась в полном составе.

— Толпа... — Десятник не без труда освободился от шкуры, в которой застряло с полдюжины арбалетных болтов. — Мы прямо на них... или они на нас.

Удалось вытянуть еще одного — полубезумного, ошалевшего от радости мальчишку из Медных.

А Одена не нашли.

Он был жив... но где?

Глава 8

Добыча

Спал Оден урывками.

Он вовсе отказался бы от сна, но осознавал, что отдых необходим. И сознание соскальзывало в дрему, отсекая звуки и запахи, которых было слишком уж много, чтобы вовсе от них отрешиться. Не мешали, нет, скорее Оден боялся, что они вдруг исчезнут и он очнется в привычной глухой темноте. И страх выдергивал из полусна, заставляя вновь и вновь убеждаться, что он свободен.

Нет ямы.

Нет ошейника.

Нет того единственного, постоянного в своем существовании звука, который доводил его до безумия. Где-то высоко, над решеткой и даже над головами охраны, невидимая капля воды разбивалась о лужу. Час за часом. День за днем. Неделя за неделей.

Оден и сейчас продолжал слышать этот звук...

Все более отчетливо.

Ярко.

Ямы нет? Есть. Колодец. Ледяные стены, которые даже летом подмерзали. Нестерпимая вонь, когда дышать приходится ртом и кажется, что она остается гнилью на языке. Сам язык распухает от жажды и не помещается во рту. Сегодня тоже забыли принести воды... или не забыли?

Она нарочно, белолицая Мэб, рожденная туманом.

Ей нравится унижать, но Оден, слизывая с камней испарину, уже не чувствует себя униженным. Привык. Жаль, что этой воды слишком мало.

Но умереть ему не позволят: королева не любит терять игрушки.

— Думаешь, ушел от меня? — Вот она, рядом. Стоит, склонив голову к плечу, поглаживает темно-красные бусины ожерелья. Сияет в темноте ледяная корона. Остры шипы терний, и мертвый виноград зреет на бледных лозах.

Ее нет. Не существует.

Она осталась там, в темноте, а Оден вышел.

Выжил.

— Иллюзия. — Королева Мэб знает в иллюзиях толк, недаром туманы идут рука об руку с грезами. Она присаживается, и пурпурная парча платья тонет в грязи его камеры. — Это всего-навсего иллюзия... ты мертв, и давно. Чувствуешь?

Ее рука прижимается к его щеке, и большой палец скользит по губам, сдирая сухую кожу. Лишь этот и еще указательный не защищены чехлами для ногтей и оттого выглядят неестественно короткими.

— Видишь, ты ничего не чувствуешь. И значит, ты мертв. Смирись.

Нет. Он хочет вдохнуть, но рука закрывает рот, а нос привычно забит не то слизью, не то засохшей кровью.

— Упрямый пес...

Она давит на губы, впивается когтями в щеку, но Одну уже не больно. Наверное, он и вправду мертв.

— Нет... — У него чудом получается вывернуться и сделать вдох. — Я живой.

— И чем докажешь? — Мэб слизывает с пальцев капли крови, темные, как гранаты ее ожерелья.

— У... у меня есть невеста.

Глаза Мэб — зеленый нефрит. Сама она мертва, давно мертва, укутана саванами туманов. И отравляет их, рождая безумные грезы. А Оден жив.

— ...во всем мире не отыскать девушки прекраснее ее... Ее волосы светлы, мягки и душисты, как солнечный луч...

— Есть, конечно, есть, — шепчет кто-то на ухо, успокаивая. — И тебя ждет. Ты к ней вернешься, и вы будете счастливы.

Держит крепко, но мягко. И руки теплые, живые. А если Оден способен ощущать тепло, то он жив.

— Эйо...

— Я, кто еще. — Она рядом, ее запах — серебра, вереска и меда — заслоняет те, принесенные из сна. Это ведь сон. Просто сон.

— Кошмар, да? — Эйо заставляет его лечь и сама устраивается рядом. Она сразу заявила, что плащ один, а она не настолько жалостлива, чтобы ночью мерзнуть. — Кошмары уйдут. Со временем. Сначала они каждую ночь, а потом постепенно блекнут... выцветают, как шторы на солнце. Теряя силу, приходят все реже и реже. Однажды и вовсе о тебе забудут.

— О тебе забыли?

Она задерживает дыхание, но отвечает спокойно, равнодушно даже:

— Еще нет. Времени прошло не так много.

И Оден запирает вопрос о том, сколько времени прошло с той злосчастной ночи, когда жила, откликнувшись на его зов, раскрылась в русле ущелья. Он слышал, как стонут скалы, наливаясь краснотой, трещат, грозя обвалами, и не выдерживают жара.

Грохот их оглушает.

И кажется, что крепостные стены рушатся беззвучно...

Это было. Когда?

Год? Два? Больше?

Если больше, то насколько?

Война, начавшись у Грозового Перевала, должна была завершиться там же. Путь был заперт в обе стороны, но, выходит, его открыли и война перешла на земли детей лозы?

— Спи, — повторила Эйо, не пытаясь вывернуться из-под его руки. Если ей и было неудобно, Эйо молчала. А Одену нужно было знать, что рядом есть кто-то в достаточной мере живой, чтобы и он сам ожил. — Завтра будет сложным...

Помолчав минуту, она добавила:

— Послезавтра тоже. Сейчас все сложно.

Этой ночью Мэб отступила.

Собак учуял Оден.

Мы пробирались по руслу ручья, извилистому и топкому. Вода ластилась к ногам, и, если бы не обстоятельства, я бы получила от прогулки удовольствие. Солнце припекало совсем по-летнему, птицы обменивались последними сплетнями, и синие стрекозы скользили над шелковой гладью ручья.

Мой спутник двигался куда уверенней, чем я рассчитывала. Он шел, ступая практически

след в след. Руку, правда, на моем плече держал, но оно и понятно. Головой крутил. Принюхивался. И выражение лица порой становилось таким... удивленным, что ли? Как-то он наклонился, зачерпнул горсть мелкого песка и долго растирал его между пальцами.

Потом камешек подобрал...

И осклизлый кусок коры, который долго мял в ладони, пока не раскрошил в труху.

— Много всего, — сказал Оден, хотя я ни о чем не спрашивала. — Вода холодная.

— Замерз?

— Нет. Просто. Вода холодная. И мокрая. А сверху солнце. Отвык.

Я срезала лист лопуха:

— Это на голову. Чтобы не перегрелся.

Спорить не стал, надел и рукой придавил, чтобы не сдуло. Высший... райгрэ... вожак... с листом лопуха на макушке. Забавно. Или печально, если разобраться. Оден был вожак — наверное, сам еще не осознал, насколько изменилось его положение. О да, род его примет, как принимают больных и убогих. Но сам он себя таким не считает. И, кажется, уверен, что стоит дойти, как все вернется на круги своя.

А мне-то что?

Без крыши над головой всяко не останется. Самолюбие же... как-нибудь переживет.

И долг за него найдется кому отдать... наверное.

Рука на плече вдруг потяжелела.

— Стой. — Оден повернулся влево и прижал палец к губам.

Стою. Молчу. Слушаю. А лес подозрительно беспечен. Но вот застрекотала сорока, и визгливый голос сойки подтвердил: чужие рядом.

— Собаки. Там. — Оден указал на левый берег. — Но далеко. Идут.

— За нами?

Задумался, но тут же решительно ответил:

— Нет. Встали на след. Гонят...

Теперь и я слышала далекие голоса гончих. Небось аллийские, серошкурые, с жесткой шерстью и массивными брылами, с которых вечно стекают нити слюны. Их розовые носы чувствительны, и, значит, лучше затаиться. Чей бы след ни вел собак, с леса станется устроить неприятную встречу.

И куда нам?

Одна я уйду, а вот Оден...

Голоса приближались.

— Идем. Быстро.

Не бежать, но поспешить. Лес, оскорбленный недоверием, молчал и не собирался помогать упрямой мне. А я напряженно вслушивалась в его паутину, пытаюсь найти хоть какое-то убежище.

Думай, Эйо, думай.

Если вчера не хватило ума пройти чуть дальше обычного.

Неодобрительно шелестела старая ива. Вода спешила спрятаться под корнями, мочила зеленые космы ветвей. Но мы — не вода. Ива — слишком мало.

...дальше.

Лес все же снизошел до ответа.

...иди. Не обману.

Поверить и... я в любом случае спасюсь успею. А Оден?

...а выбор?

В этом есть толика правды. Либо идти вдоль ручья, надеясь на удачу, либо поверить лесу. Из двух зол выбираю меньшее. И лес протягивает-таки руку помощи. Нам туда, где, натянутая до предела, дрожит, но не рвется нить жизни. Старая ель со сломанной верхушкой умирала давно. Она была слишком упряма, чтобы просто поддаться ветру, но слишком слаба, чтобы устоять. И буря почти вырвала ее, опрокинув набок, но не сумела вытащить бурные корни. Бросила, наигравшись, а ель кое-как приспособилась.

— Осторожно. — Мне пришлось замедлить шаг. — Здесь яма.

Под корнями, под зелеными, с желтой проседью, лапами ели. Толстый слой игл укрывает ее дно, а на стенках прорастают волчьи грибы.

— Забирайся.

— Ты?

— Скоро вернусь.

Собаки мне не страшны. Хуже, если с ними люди, поэтому надо успеть первой.

Я возвращаюсь на берег и, перебравшись на ту сторону, иду вверх по течению. Пятьдесят шагов, затем вновь переправа по воде — и те же пятьдесят шагов вниз. Переправа.

Невидимый след отпечатывается на земле четко, и я, закрыв глаза, вижу его. Остается немного расширить. Взять за края и потянуть, представляя, как истончается нить. Осторожней, Эйо, не разорви, времени на вторую попытку не будет.

Нить упругая.

Ноет, вибрирует, норовит выскользнуть из рук и слиться с землей. Но я тащу, чувствуя, как уходят силы. Их у меня немного...

Еще тоньше. Еще легче... подбросить... мама так блинчики жарила, подбрасывая на сковородке.

Смеялась еще.

Улыбка получается натужной, но я все равно улыбаюсь.

А мироздание соизволяет пойти навстречу. Петля следа кувыркается, путается, разрастаясь клубком нитей, и, многожды отраженная водяной гладью, падает, чтобы сродниться с землей.

Вовремя.

Лай близко, но в нем больше нет уверенности, тот прежний след гончие потеряли — невиданное дело! И мечутся, растерянные, злые.

Я отхожу, стараясь не наступить на собственные нити.

Серый кобель вылетает на берег, вертится, словно пытаюсь поймать собственную тень. Из пасти падают клочья пены. Бока ходуном ходят. И костистый хвост мотается из стороны в сторону так, словно вот-вот оторвется.

Гончак, кажется, на пределе.

Я замираю. Собаки плохо видят, и если не шевелиться... Он все-таки останавливается, припадает к воде, жадно лакая. Розовый язык мелькает в пасти, и брызги оседают на коротких черных усах.

Но вот гончак напился, и крупный нос его пришел в движение.

Ну же! У меня должно получиться... хотя бы раз в жизни у меня должно получиться. И он цепляется-таки за нить. Разом исчезают неуверенность и усталость, кобель вытягивается в струну и подает голос. Стая отвечает... значит, скоро выйдут. И уйдут, пытаюсь распутать клубок ложного следа.

Будут бежать, чуя близость добычи, пока не лягут от усталости.

Или пока тому, кто выпустил собак, не надоеет носиться по лесу.

Я вернулась к ели, понимая, что сегодня не смогу сделать и шага. Наверное, еще немного, и я бы рухнула на дно ямы, но Оден поймал.

— Собаки нас не найдут...

Если, конечно, среди охотников нет альва, который с легкостью разорвет мое плетение. А по его остаткам и меня обнаружит. Но будем верить в лучшее.

В последнее время я только и делаю, что верю в лучшее.

Оден не собирался меня отпускать, прижал к себе и держит. Я не против. Он теплый, а меня озноб на отдаче постоянно продирает. И руки становятся тяжелыми, словно я не простейший аркан плела, а повозки разгружала.

— Тебе не больно? — Обнаглев, я положила голову ему на плечо.

Больно. Вчера я вскрывала гнойники и промывала раны, втирала в них сок белокрестника, по себе знаю — жгучий, едкий и с мерзким запахом, но Оден терпел. И только когда коснулась той решетки, которая на спине отпечаталась, — ранки круглые, аккуратные, с белой каемочкой, — дернулся.

Но позволил обработать.

А теперь снова в грязи... и еще я сверху.

— Боль разная. — Он не позволил отстраниться. — Есть плохая. Есть хорошая. — Странная теория. — Эта — хорошая. Ты есть. Я знаю, что живой. Плохо еще говорю. Буду лучше.

Не сомневаюсь, что будет. И раны затянутся со временем, кроме тех, на спине. Они — я видела утром — по-прежнему сочились сукровицей. Но дело не в ранах, скорее в том, чем или кем они были нанесены. Я чувствовала метку, оставленную волей куда сильнее моей. От этого клейма избавиться будет непросто. И Оден поспешил натянуть влажную еще рубашку, скрывая именно их. Вчера не особо переживал по поводу наготы, и ночью тоже, а утром вдруг застеснялся.

Смешной. И опасный, о чем забывать не следует.

— Эйо лучше?

— Нет. — Не вижу особого смысла врать. — Но пройдет.

Я дотягиваюсь до выводка грибов. Несъедобные, с кружевными шляпками и тонкими ножками, которые уходят в землю, уже там разрастаясь нитями мицелия.

Не та сила, которую легко получить, но я попробую.

— Лет тебе? Много?

От горечи первой капли морщусь, дальше пойдет легче. И я хотя бы не буду беспомощна, если собаки вернуться.

— Восемнадцать. Больше.

Грибница оплетает руку, и есть в ее прикосновении что-то противоестественное, неживое.

— Восемнадцать — мало.

Как для кого, для меня — вполне достаточно.

— Но хорошо. Грозы не страшно.

Откуда такая осведомленность? И что еще он знает?

— Граница. — Оден верно истолковал мое молчание. — Жил долго. Видел. Знаю. Грозы — опасно. Для молодых, которые альвы.

Возраст не так уж и важен, но разубеждать не буду, тем более что еще осенью я не слышала зова. И вполне может случиться, что не услышу. Надеюсь, что никогда не услышу.

Но разговор оборвался. Я сидела, вытягивая из грибницы капля за каплей черную силу, но озноб не прекращался. И тошнота подступила к горлу, знакомый симптом, который пройдет, если перетерпеть.

— А тебе сколько лет?

Я тоже устала молчать. Наверное, в город вышла именно по этой причине — желая убедиться, что не совсем еще одичала, помню человеческую речь.

— Год какой? — уточнил Оден.

— Пять тысяч семьсот шестьдесят третий от прорастания лозы... а если по-вашему, от руды, то пять тысяч семьсот шестьдесят второй. Весна. Последний месяц.

Мы называем их по-разному. И даже количество дней порой не сходится. Но это ли причина, чтобы убивать?

— Тридцать и шесть. Тридцать шесть. — Оден лег на бок, сунув под голову сумку. Кажется, ничего хрупкого внутри не лежало... разве что недокопченный ворон и половина зайца.

Вчера был вкусный ужин. Похлебка из молодой сныти и крапивы на мясе, вареная зайчатина — десертом...

А грибница беззвучно осыпалась прахом, и стало чуть легче. Еще немного полежу и к воде выберусь, у воды мне отойти будет легче.

Меня укрыли плащом и отстраниться не позволили.

— Четыре года. — Оден произнес это каким-то глухим, севшим голосом. — Четыре года и пять месяцев... Гримхольд.

Сколько?

Четыре с половиной года под Холмами? Он ошибся. Или я ошиблась, неправильную дату назвала. Но Гримхольд... Первый удар, тогда еще не войны, но пограничного конфликта.

Вырезанная деревенька.

Десяток молодых псов, которые в азарте охоты позабыли, на кого следует охотиться.

Нота протеста. Требование выдать виновных.

Приграничный мятеж и осада Гримхольда. Два дня переговоров с обезумевшим комендантом, который предпочел взорвать Перевал, но не сдать крепость. Погибли все, и защитники, и нападавшие, в числе прочих — Мэор Сероглазый, единственный сын Туманной Королевы, посланец мира...

И разве могла эта смерть остаться неотмщенной?

— Ты слышала? — Оден продолжал изучать мое лицо пальцами. Было даже приятно. Выходит, я настолько извелась от одиночества, что любой компании рада?

— Слышала.

— Расскажи.

Не то просьба, не то приказ, но, пожалуй, если он и вправду был в Гримхольде, то имеет право знать. И я рассказываю то, что знаю сама. Оден слушает и цепенеет.

Наверное, если бы смог, оттолкнул бы меня.

— Ложь. — Сжимает кулаки, каждый с мою голову. — Все ложь. Не так было!

Возможно. На этой войне было много неправды.

Слово — тоже оружие.

И что бы ни случилось в Гримхольде, но он стал первым камнем, за которым хлынула

лавина войны.

— Никогда... — Оден пытается сесть, но яма не настолько просторна. — Никогда пес не... не напасть на разумное. Нельзя. Запрет. Я сам убить щенка, если он... я райгрэ. Я за всех отвечать. Каждого. Любого. Род. Нет значения, какой род. Рвать разумный — смерть. Война. Поединок. Да. Охота — нет.

— Я верю.

Он взмок от волнения.

И да, я верю, что для Одена этот запрет еще существует. Но боюсь, что только для него.

На следующий день мы добираемся-таки до опушки, приграничной стражей которой — заросли молодого осинника. Дрожащие листья, живой узор светотени на зеленом ковре. И мертвец, заботливо сохраненный лесом. Каким бы ни было наше знакомство, но лесу определенно претит разлука.

Больше не осталось тех, кто способен его услышать.

Как скоро он сам онемееет от одиночества?

Впрочем, подарок был как нельзя кстати. И понятно, за кем вчера летели гончие.

— Пес? — Оден, услышавший запах за сотню шагов, теперь опустился на колени. Он ощупывал тело, точно желал убедиться, что мертвец и вправду мертв.

Обломки стрел и засохшая кровавая корка — лучшее тому подтверждение.

— Да.

— Опиши.

— Ну... ростом пониже тебя будет.

Но не настолько, чтобы эта разница так уж в глаза бросалась, видать, были в предках чистокровки.

— Массивней, хотя это скорее потому, что ты истощал. С виду слегка за сорок, но могу ошибаться, я в вашем возрасте плохо разбираюсь. Что не молодой — это точно. Окрас рыжий с подпалинами... на левой щеке две родинки, на правой — одна. Квартерон. Крупных пород.

— Говоришь, не разбираешься.

Это замечание я пропустила мимо ушей. Меня интересует не столько родословная покойника, сколько то, каким образом он возник вдруг на опушке леса.

И не из бывших пленных. Одет хорошо, что весьма кстати, ибо на Одена смотреть тошно. Оружие при нем и фляга чеканная на две пинты, пустая, правда... Что он делал вдали от Перевала? Стрелы — ерунда, пес издох от истощения. Бежал, но перекинуться не пробовал.

Он был один?

Если нет, то почему свои не забрали?

И главное, каких еще сюрпризов ждать?

Лес молчал, считая, что свой долг по отношению ко мне он исполнил...

— Хоронить, — решил Оден.

— Сначала раздеть, разуть, обобрать, а потом хоронить, — внесла я коррективы, не став уточнять, что, как только дам разрешение, лес сам устроит похороны. Торжественные. С процессией могильщиков, которым давно следовало бы заняться телом.

И лес меланхолично согласился.

...мертвое кормит живое.

Так я ж и не спорю.

Глава 9

Чужие надежды

Виттар был в ярости.

Он пытался успокоиться, но стоило чуть остыть, как в ушах раздавался мягкий вкрадчивый голос Кагона, райгрэ Темной Ртути, и спокойствие рушилось.

Перед глазами стояла багряная пелена.

И алмазный аграф на берете.

И шея, достаточно тонкая, чтобы перервать ее одним движением челюстей.

Виттар еще помнил вкус крови. И почти жалел, что Кагон при всей его вежливой наглости не дал достаточно серьезного повода бросить вызов.

— Угомонись уже, — сказал Стальной Король тоном, не терпящим возражений. — Посмотри на себя. Вон зеркало.

Черное озеро стекла в серебряной раме. И он, Виттар из рода Красного Золота, — часть этой черноты. Неужели он и вправду выглядит так?

Бешеный.

Скулы заострились. Глаза узкие, черные, не то стеклом окрашены, не то сами по себе. Губы сжаты. На щеке пятно серебряной чешуи, которое расплзается. И волосы наполовину с иглами.

Когда он начал превращаться? И почему не заметил?

— И на руки тоже.

Поверх пальцев — стальная оплетка, переходящая в острые когти, которые распорили ладонь. И разжать эти пальцы выходит не сразу. Руки словно судорогой свело.

— Я виноват. — Виттар с трудом произнес эти слова. Едва не перекинулся, потеряв контроль... В присутствии короля.

Недопустимо.

Непростительно.

— Виноват, — не стал спорить Стальной Король. — Будь на твоём месте кто-нибудь другой...

...превращение было бы истолковано как вызов. А вызов приравнен к покушению.

Железо уходило. Нехотя, словно чувствовало, что еще немного — и полностью подомнет Виттара.

— Сядь. — Стальной Король указал на кресло. — Скажи, как тебе ковер?

— Что?

— Ковер. Новый. И гардины тоже. Помнишь, какого цвета были?

Пурпурного? Или красного? Зеленого? Нынешние ничем не отличались от прежних. Кажется...

— Осмотрись. Скажи, что здесь изменилось за год?

Король шутит? Нет, ждёт, делая вид, что любит играть в шахматы. Когда этот столик появился? Недавно? Или же, напротив, был здесь всегда? Слоновая кость и черное дерево. Серебряная оковка. Резные ножки. И два массивных ящика для фигур.

Моржовый клык. Яшма.

Партия, застывшая в равновесии... как надолго? С кем играл Стальной Король?

В этот кабинет допускают лишь избранных... Кого? Виттара и... он не помнит. Послушно осматривается. Странное ощущение. Он был здесь сотни раз, но все видит словно впервые.

Вот дверь на стальных петлях. За ней — охрана, которой полагалось бы скрутить Виттара, но Стальной Король или не позвал, или отправил охрану прочь. Панели из темного дуба. И куполообразный потолок. Массивные цепи, что поддерживают стеклянные полушария светильников. Живое пламя тянется к квадратным горловинам воздуховодов.

Картины из янтаря, нефрита и серебра.

Массивная мебель. То самое зеркало...

— Я... не могу ответить на твой вопрос. — Виттар перевел взгляд на свои ладони. Раны затянулись, но железо не покинуло, оно было под кожей, слишком близко: малейшая слабина — и выплеснется. — Пожалуй, мне лучше уйти.

— Нет. — Стальной Король поднял яшмовую пешку. — Ты успокоился?

— Не совсем.

Ему бессмысленно врать. И Виттар честно пытался справиться с железом, а оно рвалось... и теперь причина, по которой он вспылел, выглядела донельзя глупой. Девчонка?

Она ни при чем. Воспользовалась шансом, не более того.

А вот ее сородичи...

— Но ты успокоился достаточно, чтобы слушать? Извини, вина не предлагаю. Виттар, ты мне друг. И как с другом я хочу с тобой поговорить.

На игровой доске не так много фигур. Пешка всего одна уцелела — человек в нелепой броне, которую вынуждены носить люди. Виттар из любопытства разглядывал ее, в очередной раз удивляясь тому, сколь тяжела эта броня, неудобна. В такой невозможно быстро двигаться, а щелей имеет изрядно. И скорее вредит, нежели помогает.

Но людям нравилось, а пешек не спрашивали.

— Мне продолжают докладывать, что ты теряешь разум, что тебя ослепила ненависть. Что ты начал не просто убивать, но делать это... с удовольствием. Я не желаю верить словам, но мне не нравится то, что я вижу.

Виттар вспомнил вчерашнего альва. Полукровка, конечно, но... он признал себя побежденным. Встал на колени... и да, Виттару хотелось его убить. Даже не убить — убивать, чтобы долго, чтобы с наслаждением. Он поддался желанию.

И кровь была такой сладкой.

— Вижу, что ты понимаешь, о чем речь. Рассказывай.

Виттар постарался говорить кратко, спокойно — выходило плохо — и честно. Но от вопроса не удержался: Стальной Король не будет скрывать правду вежливости ради.

— Я безумен?

Если так, то закон и честь оставляют выход.

Вчера Виттар получил удовольствие, убивая альва. Сегодня едва не вцепился в плотку Кагону. А завтра? Когда ему станет безразлично, кто перед ним? И когда крови станет недостаточно?

Стальной Король вернул пешку на доску:

— Еще нет. Но ты вплотную подошел к грани. Я не спорю, у тебя есть причины ненавидеть альвов. Но война закончена. И пора остановиться.

Как? Разве Виттар не желал бы того же? Остановиться. Забыть. Вернуть все, как было.

Или хотя бы почти как было.

— Я... пытаюсь.

— Пытайся. — Стальной Король поднял ферзя.

Яшмовый пес в полной ипостаси. Огромный, раза в полтора выше пешки-человека, исполненный с изрядным мастерством. Резчик не упустил ни одной детали. Иглы на хребте подняты. Оскалена пасть. Полыхают рубины глаз. Еще немного — и хлынет белая пена бешенства.

— Не уподобляйся ему. — Король подал фигурку. — Его война длится вечно. Твоя — пока ты сам того пожелаешь. Земли за Перевалом принадлежат нам.

Пес был тяжелым и холодным. Камень должен был нагреться, но словно сам не желал тепла.

— А на землях — люди. И не только они...

Еще те, в ком течет кровь альвов... наполовину... на четверть...

— Мы уже говорили об этом, Виттар. И мне казалось, что ты меня понял. Нельзя допустить резни. Виттар, многие на тебя смотрят, особенно молодняк, который ничего, кроме войны, не видел. Им достаточно намекать.

И контролируют они себя много хуже Виттара. Кровь опаснее серой травы, которая медленно сводит с ума. Здесь порой хватает и капли, а за всеми не уследишь.

— Твои люди будут молчать. Один раз. Два. А потом что? Я не хочу тебя наказывать, но если закрою глаза, то признаю, что ты имеешь право на такую охоту. А то, что можно одному, разрешено и прочим. Ты хочешь быть в ответе за них, Виттар?

— Нет.

— Сколькие сочтут, что смерть альва... или человека... или вымеска — это мелочь, которая не стоит внимания?

Многие. Уже так считают. Война дала свободу, а теперь с этой свободой приходилось прощаться. И следовало признать, что прав король: по ту сторону Перевала лежали земли новые, неизведанные... по мнению некоторых — свободные от закона.

Младшие будут охотиться. Старшие — закрывать глаза, уговаривая себя, что молодняк погорячился... бывает ведь. Раз, другой, третий... а там и поздно останавливать.

Бешенство заразно.

— Мне стыдно.

Хуже. Тошно. То самое зеркало, которое стоит так, чтобы Виттар видел себя, рисует новый портрет, ничуть не похожий на прежние, написанные еще до войны.

— Путь за Перевал и тебе, и твоим людям закрыт. Временно.

Это даже не наказание — мера предосторожности.

— Да, мой король. — Виттар не представлял, насколько сложно будет произнести эти слова. И живое железо рвануло, протестуя.

За Перевалом остался Оден.

И двое людей Виттара, и те, кто посмел напасть на его стаю.

Разве они не заслуживают наказания? Урока, который раз и навсегда продемонстрирует, кто отныне хозяин на землях лозы.

— Другим займись. Вчера мне на стол легло предложение. — Стальной Король протянул руку, и Виттар вернул ему яшмового ферзя. — Вон, прочти. Скажи, что думаешь.

Стальной Король редко спрашивал совета. И сейчас ему отнюдь не советчик нужен был. Тогда что?

Несколько листов, подшитые вместе. Изложено кратко. Грамотно. И следует признать,

что убедительно. Проблема решилась бы, но...

...пяти лагерей, созданных королевой Мэб, недостаточно для изоляции и ликвидации потенциально опасных особей. Но имеющийся опыт наглядно демонстрирует низкую себестоимость постройки лагерей и высокую самокупаемость, в случае если заключенные задействованы на работах.

...зоны отселения хороши как способ локализации мятежно настроенных элементов вне зависимости от чистоты крови.

...отметка о расовой чистоте и цветные ленты на одежде для тех, кто на одну восьмую и выше является альвом, позволят навести порядок.

...при должном подходе в течение пяти лет проблема перестанет существовать.

Даже раньше. Виттар бросил взгляд на зеркало. Тот, кто стоял по ту сторону черного стекла, был готов выступить в поддержку проекта. Что может быть проще? Разделить. Рассортировать. Собрать отбросы в одном месте. Ликвидировать.

Навести наконец порядок.

Стальной Король ждал.

— Сколько их будет?

Виттар не сомневался, что его величество знает ответ.

— По разным оценкам — от тридцати до семидесяти тысяч...

Альвы проиграли эту войну.

Альвы первыми заговорили о чистоте крови.

Альвы вырезали всех, в ком течет кровь детей Камня и Железа.

Альвы ушли. За море. И те, кто остался по ту сторону Перевала... ненадежны. Виттар имел возможность лично убедиться в этом. Многие желали бы возвращения королевы, что невозможно: даже она не сумеет нарушить клятву на Камне.

Но ведь достаточно веры.

Слуха.

Чем жестче меры, тем лучше результат.

— Среди них многие воевали против нас. — Стальной Король смотрит на отражение Виттара, словно разговаривает именно с ним. — И многие остались верны Мэб. Они будут подстрекать к бунту. Мешать. Устраивать засады. Охотиться на одиночек...

Отражение согласно с королем. А вот Виттар, такой, какой он есть, если, конечно, он еще существует отдельно от этого отражения?

— Нельзя.

Да, вчера он разорвал полукровку в клочья, в такие, что и сейчас при одном воспоминании мутит, и радовался смерти, и смаковал его кровь... И не следует оправдываться, что тот альв был с оружием и в иной ситуации не пощадил бы Виттара.

Виттар убил одного. Но не тридцать тысяч... семьдесят... А будет больше. Систему легко запустить, но во что она выродится?

— Почему? — По лицу Стального Короля сложно понять, правильное ли решение принято.

— Сначала будем делить их кровь. Потом за свою возьмемся. Уже взялись...

Ждет.

Думай, Виттар. Выбирай между разумом и сердцем. Хотя... оба требуют одного: уничтожить.

— У каждого, — он положил листы на место, — есть родственники. Друзья. Они

запомнят и вряд ли станут долго терпеть. Этот раскол не один год придется сращивать. Мы... — Слова застревают в глотке. — Мы должны научиться жить в мире.

Яшмовый ферзь занял место на доске.

— Надеюсь, ты и вправду так думаешь, друг мой. — Голос Стального Короля потеплел. — Но ты прав. Мы или научимся жить в мире, или уничтожим друг друга. Королева Мэб не нужна. Нам своей ненависти хватит, чтобы отравиться.

Разумное ли принято решение? Многие усомнятся. Правильное ли?

Виттар понятия не имеет.

И не получится ли, что, защищая чужих, он пожертвует своими?

— Я забыл, как выглядит эта комната... и шахматы...

— Мы начали эту партию еще до войны. — Стальной Король с нежностью провел ладонью по скругленному краю стола. — И успокойся, здесь все так же, как было.

— Не помню.

— Мы вели ее два месяца. А потом пропал Оден.

И снова полоснуло болью, подстегивая уснувшее было железо.

Пять городов. Пять отрядов.

Двое спасенных, включая... нынешнюю Виттара проблему.

Четверо погибших... или скорее шестеро. Турвор увел за собой охоту. Вайно не сумел выйти к точке возврата вовремя. Виттар позаботится об их семьях, но этого мало.

А путь за Перевал закрыт.

И слабым утешением — что нить на гобелене не погасла. Оден был жив. Уже три дня как Оден жив, свободен. И нить, кажется, стала ярче. Возможно, Виттару просто хотелось верить в это.

— Он вернется, и мы закончим. — Король всегда выполнял обещания. — И теми городами, в которых вас... встретили, займутся. Будет дознание. Суд. Виновных накажут, но законным образом. Ясно?

Более чем. Виттар не собирается нарушать королевский запрет.

— Наша власть не должна быть своевластием. Порядок един и здесь, и там. Но это требует времени... и передислокации войск. — Стальной Король осторожно коснулся спинных игл ферзя. — Буду благодарен, если ты дашь себе труд подумать и над этой проблемой.

Виттар поклонился.

— А сейчас расскажи наконец, что именно тебя столь... возмутило.

И ведь в курсе уже. Наклонился. Руки сложил, касаясь кончиками пальцев длинного носа. Виттар знает этот жест, за которым скрыта улыбка. И взгляд лукавый, насмешливый. Но не обидно. Более того, сейчас и сам Виттар готов посмеяться над тем, что причина столь пустяковая вызвала приступ гнева.

Торхилд из рода Темной Ртути.

Точнее, некогда принадлежавшая роду Темной Ртути.

— То есть, — Стальной Король перестал улыбаться, — от нее отказались?

— Да.

— Из-за того, что девушка была любовницей Макэйо Длинного Шипа?

— Да.

Была. Четыре года жила с... нельзя давать волю ненависти. Эта эмоция также поддается контролю, как и остальные. И нет ничего более унижительного, чем война с женщиной, тем

более когда не женщина виновата. Ярость будят чужие слова, подобранные столь же тщательно, сколь и жемчужины в ожерелье Кагона. Он так старался, мягко, исподволь внушая Виттару мысль, что существо столь отвратительное должно умереть.

Его племянница, к преогромному сожалению, опозорила и себя, и весь род.

И весьма, весьма печально, что она выжила...

Райгрэ Виттару не следовало вмешиваться. А если райгрэ Виттар вмешался, то будет весьма любезно с его стороны и дальше распорядиться судьбой Торхилд. И каким бы ни было его решение, род Темной Ртути не станет предъявлять претензий.

Кагон понимает, сколь сильную ненависть райгрэ Виттар испытывает к предателям.

И всецело его поддерживает.

Зло должно быть наказано. А Виттару приходилось убивать женщин...

— Интересно... — Когда Стальной Король хмурился, неуловимая разница между левой и правой половинами лица становилась заметна. Левая оставалась почти неподвижна, правую же рассекали морщины. — Очень интересно... сколько ей лет?

— Семнадцать.

А когда началась война, было тринадцать, даже меньше.

— Ее брат на два года моложе. — Виттар успел узнать достаточно, благо история оказалась из подзабытых, но хорошо известных. — А сестра — на все десять.

Последыш... последышей любят. Виттара вечно баловали что отец, что Оден. А ему казалось это само собой разумеющимся.

— Даргету из Ртути предложили место консула при посольстве, он согласился. Переехал с семьей на побережье...

Ведь мир был, и не хрупкий, а вполне себе надежный. Устоявшийся. Кто знал, что посольство ликвидируют сразу после падения Гримхольда. Кажется. Тогда все были слишком заняты войной, которая пошла не по плану.

Но Стальной Король ждет продолжения рассказа.

— Даргет и его супруга погибли, но двое младших вернулись домой... — Их вернули. Дети не добрались бы сами. — Торхилд считали погибшей.

Кагон не спешил распространяться о том, что племянница жива, надеялся на лучшее в его понимании. Вот только надежда рухнула.

И он решил воспользоваться случаем.

Виттаром.

— А у нее получилось выжить. — Стальной Король провел сложенными ладонями по лицу. — Сделка?

— Скорее всего. Макэйо в отличие от... сестры умел держать слово. — Признаваться в этом неприятно. — И совсем уж сволочью не был...

Хотелось бы знать, где пролегает та граница, которая делит совсем сволочей от не совсем еще сволочей. И по какую сторону ее находится сам Виттар.

Но девчонка жива. Это хорошо.

Плохо то, что Макэйо Длинный Шип вовсе не был альтруистом и пристрастий своих особо не скрывал. Сколь многие знают о его милых привычках?

— Эту историю не получится замолчать, иначе Ртуть так бы не волновалась.

А раз убрать проблему не вышло, то отреклись.

Или нет, отреклись куда раньше, а теперь просто предложили Виттару сделать то, на что у самих духу не хватило бы.

— Что ж... — Стальной Король опустил руки. — Полагаю, они предпочли бы, чтобы девушка поступила согласно обычаю.

Но кто хочет умирать в тринадцать лет?

Да и в семнадцать жизнь любишь ничуть не меньше.

Палача нашли...

Бесит даже не это, а святая уверенность Кагона, что Виттар поступит именно так, как от него ждут.

— Я одного не понимаю. — Виттар сжал кулаки, унимая противную дрожь в пальцах. —

Что мне с ней делать?

— Что хочешь. Отрекись. Выкинь за дверь...

И как долго она протянет на улице? В лучшем случае отправится в дом терпимости. В худшем — не Виттар, так кто-нибудь другой прислушается к песням Кагона.

— ...отошли куда-нибудь. Сделай любовницей.

— Что?

Виттару показалось, что он ослышался. Но Стальной Король любезно повторил:

— Любовницей. Ты же так и не удосужился найти кого-нибудь, а напряжение определенно не мешало бы сбросить. Заодно и теорию свою проверишь.

Это шутка такая?

— Свадьбу, каким бы ни был результат, не переиграешь. И если появился альтернативный вариант, то следует им воспользоваться. А крепкие бастарды ни одному роду еще не вредили.

Не шутка, но услышанное плохо укладывалось в голове Виттара.

— Она молода. Предполагаю, что красива. Воспитание получить успела. Неглупа, если сумела продержаться четыре года. Из хорошего рода, перед которым ты не имеешь никаких обязательств. В свою очередь ты ее расы. Высшего рода. Не стар. И насколько я тебя знаю, будешь обращаться с ней уважительно. Как бы ни сложилось, на произвол судьбы не бросишь. Попробуй. Если она тебе не глянется, отошлешь, — завершил речь Стальной Король. — Или подаришь кому-нибудь. Полагаю, вскоре появятся охотники...

И это предположение почему-то крайне не понравилось Виттару.

Король коснулся ладьи.

— Вы оба ничего не теряете...

Виттар думал, пока добирался домой.

Пока рассматривал дом, какой-то вдруг неряшливый, заросший пылью.

Пока мерил шагами библиотеку, пытаясь обнаружить некое обстоятельство, которое сделало бы задумку короля невозможной.

Пока ждал Торхилд, подбирая слова.

Она вошла в библиотеку и поклонилась. Бледная. И нервозная. Ждет, что ей на дверь укажут? Или уже умереть приготовилась?

— Садись.

Торхилд страшно. И в то же время она пытается этот страх спрятать. Она движется неторопливо, но не настолько медленно, чтобы это выглядело неуважением.

— Скажи, ты и вправду была любовницей Макэйо из рода Лоз и Терний?

— Да, райгрэ. — Произнесено ровным равнодушным тоном.

— Вы заключили сделку?

— Да, райгрэ. — Чуть тише.

— Ты осталась, а он освободил твоих брата и сестру?

— Да, райгрэ. — Еще тише.

— И твои родичи знали об этой сделке?

— Да, райгрэ. Мне позволено было написать письмо. — Уже почти шепот.

— Твои родичи хотели, чтобы ты умерла?

— Да, райгрэ. — Еще немного, и она заплачет. Семнадцать ведь только, пусть и выглядит старше. — Я... испугалась. Если бы был яд, чтобы просто заснуть... чтобы не больно. А я боюсь боли.

Она не шелохнулась, позволив подойти близко. Зауженный подбородок, челюсть тяжеловата, но губы крупные, вишневые. Мягкие. Глаза того особого лилового оттенка, который получается, если смешать ртуть и свинец.

— Это нормально — бояться боли. — Виттару неудобно под этим взглядом. — И стыдиться тебе нечего.

Она выжила. Не сам ли Виттар учил щенков, говоря, что главное для солдата — это выжить? А цена — вопрос третьестепенный. Так чем же этот ребенок хуже?

— Также не следует опасаться, что я причиню тебе вред.

Она ведь знала, чем закончится разговор с родичами. И ждала. Его возвращения. Гнева. Наказания. Смерти, которая шла по следу, но вчера отступила...

— Я сдержу свое обещание, но хочу, чтобы ты мне помогла.

По глазам не понять, о чем она думает.

— Этому дому нужна хозяйка. Справишься?

Робкий кивок:

— Я... постараюсь, райгрэ.

И все-таки в идее короля что-то есть... Предложи Виттар прямо сейчас отправиться в спальню, девчонка подчинится. И сделает все, чтобы Виттару угодить. В конце концов, разве не в этом состоит прямой долг женщины?

Виттар и вправду не станет ее обижать.

Он даст время отойти. Оглядеться.

Поверить, что здесь безопасно.

И привыкнуть к нему. Если уж заводить любовницу, то не такую, которая боится лишнее слово сказать...

Отражение за слоем пыли кивнуло: в целом оно было согласно. Оставалось уточнить кое-какие детали. Например, придется ли эта девчонка по вкусу самому Виттару.

Выяснить это несложно.

Глава 10

Перемены

Торхилд знала, что ей нельзя возвращаться. В своем письме дядя четко объяснил, как следовало поступить. А она струсилась. Сидела, читала, перечитывала и трусила.

Нож ведь был, Макэйо нарочно оставил его, мол, пусть Торхилд сама решит, чего ей хочется. И она решалась... минут десять. То тянулась к ножу, трогала костяную его рукоять, то руку отдергивала. Совсем было осмелилась, приставила лезвие — длинное, острое — к груди... и поняла, что не сможет.

Она боли боится!

С детства!

И нож выпал из руки.

— Правильно, — сказал тогда Макэйо, поднимая его. — К чему умирать? Жизнь любить надо. Радоваться. И я обещаю, что буду добр к тебе.

В какой-то мере он сдержал слово.

— Сначала тебе будет плохо, но потом привыкнешь.

И он оказался прав: постепенно Торхилд привыкла. К комнатам, из которых нельзя выходить, к немым слугам, к удивительным вещам — самым разным, собранным со всех уголков мира, но бесспорно прекрасным, ибо Макэйо умел ценить красоту.

— Я собираю редкости, — признался он как-то. — Такие, без которых мир обеднеет. И разве моя коллекция не чудесна?

Живые кристаллы в хрустальном шаре. И мраморная дева, поднятая рыбаками со дна морского, источенная временем, но все еще красивая. Обсидиановые клинки, рожденные на дне вулкана. И трубка с тонким, длинным, в полтора локтя, мундштуком из кости доисторического зверя. Трубку украшала резьба — тысяча крохотных картин, разглядеть которые получалось лишь под лупой.

Веера, картины, камни. Кубки из поющего стекла.

Или вот Тора.

Макэйо заботился о своих редкостях. Но он исчезал, порой надолго, и оказалось, что одиночество куда страшней его внимания.

Единственным спасением стали книги.

Библиотекой ей разрешено было пользоваться. И музыкальной комнатой. И студией со стеклянными стенами. Торхилд приходила даже не затем, чтобы рисовать, просто садилась у окна, не смея касаться отполированной поверхности руками, — Макэйо не выносил малейшего беспорядка, — и смотрела на лес, думая о том, как однажды до него доберется. Она не замышляла побег, понимая, что бежать ей некуда, но лишь представляла себе свободу. Такую близкую и совершенно невозможную.

Получила.

— Прости, дорогая, — Макэйо Длинный Шип говорил ласково, — но я не могу взять тебя с собой, как не могу остаться. Я буду помнить о тебе, обещаю.

Торхилд не поверила: за четыре с лишним года она научилась читать его ложь, но не обиделась. На Макэйо сложно было обижаться. Он же заставил ее переодеться и сам, встав на колени, завязывал шнурки на ботинках.

Он вложил нож в руку, тот самый, которым Торхилд так себя и не убила.

Он собрал мешок, положив вяленое мясо, хлеб и флягу с крепким вином, которое прежде не разрешал пробовать.

Он заплел косу и, поцеловав в щеку, сказал:

— Из города уходи сразу.

— Из какого города?

— Не знаю. Она не говорит.

Она — это королева Мэб, которую Торхилд видела лишь однажды. Памятью о той встрече остался белый шрам на шее, благо лишь один, но Макэйю он очень расстраивал. И сейчас, сев рядом, он водил по шраму когтем:

— Но в городе будет опасно. Поэтому не вздумай задерживаться. Я знаю, что тебе захочется. Ты давно нигде не была... ты же понимаешь, что это для твоего же блага. Сюда она не совалась, но не забыла...

В тот раз они с сестрой кричали друг на друга. Тора слышала сквозь боль его нервный, злой голос и ее мягкий, ласковый, уговаривающий. И Тора очень боялась, что королева уговорит брата.

Или убьет: никто не смел перечить королеве Мэб.

Обошлось.

И позже Макэйю пришлось уехать, надолго... тогда, кажется, Торхилд впервые стала ждать его возвращения не с ужасом, а с затаенной надеждой. Дни считала. Боялась, что шрам, тогда не белый, а жуткий, розовый и вспухший, отпугнет его.

А он привез букет ромашек, васильков и колокольчиков, серебряную клетку с говорящим попугаем и еще ожерелье из опалов. Мамино. Ему тоже нашлось место в сумке.

— Я поставлю на тебя защиту. — Макэйю рисовал на коже руны соком ежевника, бесцветным, но обжигающим. — Только, боюсь, надолго ее не хватит. Поэтому, родная, как только окажешься на месте — беги. Это твой единственный шанс.

— От кого бежать?

— Просто беги. Ты же найдешь дорогу домой?

Вот только дома ее не ждут. Дядя думает, что Торхилд мертва, и совсем не обрадуется ее появлению. Скорее всего, даже поступит именно так, как следует поступать в подобных ситуациях.

Честь рода важнее жизни.

— Глупости. — Макэйю тоже успел ее изучить. — Нет ничего важнее жизни. Оставь пафосную чушь кликушам. Не стоит умирать из-за чести, долга или любви. Пока ты дышишь, ты можешь отыскать новую любовь. Или понять, что долг был не столь важен, а те, которые кричат о чести, весьма часто сами ее не имеют. Поэтому пообещай, маленькая псица, что постарайшься выжить. Что бы ни случилось, но ты постарайшься выжить.

Ему было сложно отказать, особенно глядя в глаза, светло-зеленые, как молодой лист папоротника.

— Вот и умница.

Его поцелуй — первый за последние два с половиной года, прощальный — был нежен. Проведя большим пальцем по губам, словно стирая след от этого поцелуя, Макэйю добавил:

— Я действительно буду о тебе помнить.

Он сам вывел Торхилд из комнаты и передал на руки альву в золотом панцире, добавив пару слов на высоком алири. Торхилд не поняла, но ей показалось, что Длинный Шип

просит о чем-то. Она стояла, сжимая обеими руками сумку, и ждала.

— Закрой глаза, — велел сопровождающий.

И она подчинилась.

А когда открыла, то обнаружила, что стоит не в дворцовом коридоре, но... где?

Стены. Запахи. Свет и снова запахи. Так много, что голова идет кругом. И Торхилд чихает, пытаясь справиться с собой же.

— Ворота там. — Жесткие руки развернули ее, указав на серую стену. — Беги.

Торхилд не могла. Она стояла, озираясь, не в силах справиться с растерянностью и страхом.

— Беги же! — Сопровождающий ударил по лицу. — Быстро!

И она вспомнила. Побежала, пытаясь уйти от альва и той неведомой опасности, которая вскоре перестала быть неведомой... Не следовало оставаться в лесу на ночевку. И задерживаться рядом с городом. Прав был Макэйо: бежать. Пока есть силы, пока есть шанс сохранить жизнь, пусть и крохотный, но бежать.

Она бежала...

И стрелы подгоняли, напоминая, что будет больно. А Тора боится боли.

С детства. И бег длился долго, кажется, вечность. До того самого дерева. До молодого пса, вынырнувшего вдруг из леса... и райгрэ, который появился, когда Торхилд уже перестала надеяться... Она еще решила, что перевозчанная жила послала ей спасение.

И попросила о защите.

Она ведь не знала, кто он.

Виттар Бешеный.

Чудовище в любом из обличий.

Он вырезал целые деревни. И вывел жилы к белокаменному Айонору, выпустив пламя на городские улицы. Он устраивал дикую охоту. И убивал своих же, едва лишь заподозрив в предательстве.

А теперь он имел полное законное право распоряжаться жизнью Торхилд.

Дядя, наверное, рад будет... все само решится, без его участия.

Должно было решиться.

Тот, кто стоял рядом с Торхилд, не собирался ее убивать. Не сейчас, во всяком случае. Почему? Он разглядывает ее, как... как Макэйо. Хочет того же?

Да. Пожалуй.

Ждет. Дает ей иллюзию выбора? И если ответить на молчаливый вопрос, который Торхилд читала в светлых глазах, то она получит шанс.

Макэйо сам говорил, что мужчины мягче относятся к женщинам, с которыми делили постель. И если так, то надо просто ответить. Движением. Словом. Хоть как-то. Но ей слишком страшно, и единственное, на что Торхилд способна, — смотреть в эти светлые глаза, думая, что на самом деле умирать не так и больно...

Если не больно, то ладно.

— Встань, — попросил райгрэ, и Торхилд поспешно поднялась.

Он был так близко.

И оказался еще ближе. Торхилд отступила бы, но некуда — сзади стол. А сбоку — кресло. Побежит и...

— Не бойся. — Ее повернули спиной, и холодные металлические когти коснулись шеи. — Не шевелись, пожалуйста.

Даже если бы и хотела, не смогла бы. Тело Торхилд больше ей не подчинялось.

— А дышать можно и даже нужно. — Теперь его руки лежали на плечах Торхилд.

И вновь она подчинилась, пытаясь сосредоточиться на дыхании.

От райгрэ исходил резкий запах — мускуса, железа и камня. Вожака. Сильного и молодого. Он же, наклонившись, уткнулся носом за ухо и просто стоял. Горячее дыхание щекотало шею, и Торхилд подумала, что, наверное, ему совсем не сложно будет эту шею перекусить. Одно движение челюстей и... как с тем лучником, от которого ошметки остались.

— Я запоминаю твой запах, и только, — пояснил он. — Потерпи еще немного.

Торхилд кивнула и сумела не потерять сознание, когда его язык коснулся уха.

— Вот так. — Ее развернули. — Ну-ка посмотри мне в глаза.

Она смотрела, но от ужаса ничего не видела.

— Неужели я настолько страшный?

Надо ответить, но сил нет.

— Успокойся. — Торхилд вдруг обняли и прижали к груди. Теплая ладонь легла на голову. — Я не причиню тебе вреда, клянусь рудой. И никому не позволю.

Он уговаривал Торхилд, мягко, ласково, и по голове гладил, и шептал, что в его доме безопасно, что никто не посмеет ее оскорбить, что дядя при всем желании до нее не доберется, а он желает, не понимая, что война многое изменила.

И вообще не должны маленькие девочки воевать.

Торхилд выжила, и это говорит лишь о том, что она сильная и умная. А значит, с остальным справится...

Он, конечно, альвов ненавидит, и доведись встретить Макэйо, убил бы не задумываясь, но он не настолько безумен, чтобы ненавидеть еще и Торхилд. Почему-то показалось — голос дрогнул слегка.

Не она виновата перед родом, но род перед ней — не сумел защитить, а теперь свою слабость прикрывает вымышленным ее позором.

Нет, страх не исчез, но отступил, стал не таким всепоглощающим.

— Простите, райгрэ, — прошептала Торхилд, когда к ней вернулся дар речи. — Этого больше не повторится.

— Все хорошо, — с нажимом повторил Виттар Бешеный, стирая с ее щеки слезу. — Но из дома не выходи. В городе сейчас небезопасно.

Почему? Другие думают иначе? Или дело в дяде?

— Да, райгрэ.

Он почему-то вздохнул... небось уже раскаивался в неосторожном обещании.

— Завтра я познакомлю тебя с домом и слугами. Начни, пожалуйста, с кухни. В последнее время там окончательно забылись. Будь добра, напомни, что еда должна быть горячей и желательна вкусной. Когда-то Тиора умела готовить. Постарайся возродить в ней это умение. Если вдруг это окажется слишком сложно для нее, передай, что найти другую повариху не проблема.

Значит, райгрэ не шутил, предлагая Торе заняться домом.

Хотя с поварихой он, конечно, поспешил. Мама говорила, что хорошие поварихи на вес золота... впрочем, судя по тому, как готовили здесь, кухня и вправду нуждалась в переменах.

И не только кухня. Весь особняк был крайне запущен, почти заброшен, и, честно говоря, Тора слабо представляла, с чего начать. Получится ли у нее? Получится. Она ведь хочет

остаться в этом доме.

Не подкидываем, пригретым из милосердия.

Не редкостью, которую берегут по привычке.

Но кем-то, кто имеет такое же право жить, как и прочие.

— Все, найденыш, беги отдыхай, — велел райгрэ.

Торхилд следовало бы испытать радость: он поклялся рудой, что не обидит. Но почему-то безотчетный страх не исчез, а Макэйо утверждал, что следует верить собственным страхам.

В отведенной ей комнате остро пахло перцем и лимоном, а на туалетном столике, изрядно запыленном — слуги, видимо, совсем не боялись райгрэ, — стояла склянка из синего стекла.

А под ней записка.

«Сдохни, потаскуха».

Оден лежал на спине, раскинув руки, и наслаждался коротким полуденным отдыхом. Нельзя сказать, чтобы он устал, — усталость навалится к вечеру и резко, накроет тяжелой душной волной, которой только и можно, что покориться, — лечь и лежать.

Эйо опять станет волноваться. Она ничего не говорит, но запах меняется, прорезаются в нем тонкие полынные ноты... и еще, пожалуй, имбирь. Она разложит костер и поставит на огонь котелок с бугристыми стенками в окалине. Изнутри котелок покрыт мелкими царапинами, в которых порой остаются песчинки.

Пальцы Одена учатся видеть.

У Эйо волосы альвов, мягкие и без подшерстка. А кожа шершавая, обветренная на щеках. На запястьях же иная, гладкая и с отчетливым оттенком меда. На пальцах — заусеницы. И ногти обрезаны криво.

Его собственные ногти начали отрастать, и руки чешутся. Впрочем, как и все тело, за исключением, пожалуй, спины. Решетка на ней не заживает.

— Я не понимаю. — Эйо каждый вечер мрачнеет. Она обрабатывает раны осторожно, травяными отварами, которые с каждым днем становятся все более сложными, — Оден учится улавливать оттенки запахов, — и собственной силой. Ее плетения немного неуклюжи, лишены той врожденной грации, которая сопровождает арканы истинных альвов, но помогают.

Странно. На него не должна бы воздействовать сила детей лозы.

Или работает правило, что подобное лечится подобным?

Оден даже сожалел, что прежде не давал себе труда вникать в подобные вещи, лишними ему казались.

— Я все делаю правильно. — Эйо вздохнула. — Наверное, правильно.

Тело отзывается на ласку, спеша затянуть язвы и гнойники. Его раны не опасны, но их слишком много для одной маленькой Эйо.

— Тогда почему они не заживают?

Потому что королева Мэб не желает расставаться с Оденом. Если раны заживут, то она потеряет ориентир и не сможет являться во снах.

Раз за разом.

Ночь за ночью.

Он слышит шелест ее платья, такого роскошного, но разве будет королева беречь вещи?

И к подолу липнет грязь. А подвальные крысы спешат спрятаться в тень, не желая привлечь ее внимание.

Единственный источник света — корона Лоз и Терний.

И мертвые зеленые глаза.

— Здравствуй, дорогой. Соскучился? — Она наклоняется к самому лицу, губами касается губ. Мэб дышит туманом, ядовитым, болотным, оставляющим на коже ожоги.

— Совсем ослабел...

Оден хотел бы ответить, но не может произнести ни слова.

— Ты умираешь. Ты ведь знаешь, что осталось не так долго... Сколько? Месяц? Два? Или меньше? Вдруг уже завтра? Или, наоборот, протянешь дольше... год или даже десять? — Ее ладонь ложится на грудь, выдавливая остатки тепла и воздуха из легких. — Ты упрямый. Борешься. Но тем интересней, правда? Нам ведь было с тобой интересно?

Зачем она возвращается? Пусть бы ушла. Эйо сказала, что альвы убрались за море, и она точно не осталась бы одна. Оден знает страшную тайну королевы Мэб — она ненавидит одиночество.

— Как и ты.

— У... у меня есть невеста...

— Эта смешная девочка, которая тебя жалеет? Как надолго ее хватит, Оден? Когда ей надоест с тобой возиться? Или не надоест, и тогда однажды собственные ее силы иссякнут и она умрет.

— Нет.

— Да. — В глазах королевы впервые мелькает что-то, отдаленно похожее на чувства. Тень печали? — Все умирают. Когда-нибудь. Но ты не будешь спешить, верно, Оден? Ты меня не разочаруешь?

— ...есть невеста...

— Конечно, имеется еще один вариант... источник тебе бы помог. Ты ведь достаточно долго жил на границе, чтобы слышать об этом?

— Нет.

— Слышал... и если представится возможность, ты же не откажешься?

Нельзя ей отвечать. Королева Мэб прощает молчание.

— Эта девочка, она ведь похожа на меня, правда? Ах да, ты не видишь. Но когда-нибудь зрение вернется. И что ты тогда будешь делать?

Ложь. Мэб сама мертва. Давно.

Эйо — радость.

— Запомни, Оден, я живу в каждом из моих подданных. Так скажи, ты сумеешь принять ее?

— ...во всем мире не отыскать девушки прекраснее ее... Ее волосы светлы, мягки и душисты...

Заклинание помогает вырваться из сна, и Эйо обнимает, успокаивает, заставляя лечь, шепчет, что к любому кошмару можно привыкнуть. И вообще кошмары — это ненастоящее.

В реальности он ведь жив.

И разве это не замечательно?

Наверное. Утром, когда сил прибывает и дорога не кажется утомительной. Напротив, мир с каждым днем становится ярче, сложнее, хотя Оден и оставался слеп. Но зато он способен смотреть на солнце сквозь сомкнутые веки и видеть далекие пятна золота. Лежать,

чувствовать под собой неровности земли, сухие травяные кочки. И стебли, царапающие плечо. Свет и тени, кружево листвы, отпечатанное на коже солнцем. Прикосновение ветра. Скрип надкрыльев жука, что запутался в волосах.

— Тебе плохо? — Эйо кладет ладошку на лоб.

— Мне хорошо.

— Нельзя столько на солнце валяться. — И падает рядом на расстоянии вытянутой руки. Она близко и в то же время далеко. — Ожоги я тебе лечить не буду.

Будет. Только до ожогов доводить нельзя, она и так каждый вечер себя досуха вычерпывает. А еще ночью нормально выспаться не получается.

Когда-нибудь ей надоест.

Или нет.

Источник действительно помог бы. У Эйо не хватает сил.

Но источника нет. И слушать королеву, пусть и обитающую сугубо в кошмарах, не следует.

— Я уже тысячу лет так не валялась.

Рядом журчит вода. Чуть левее протянулась дорога, почти заросшая, но все еще пахнувшая пылью.

— Раньше вот... — Замолчала.

Она упорно отказывалась говорить о войне, уходя от осторожных вопросов, скрываясь за собственными щитами. И Оден не имеет права их трогать.

Дотянувшись до ее руки, Оден провел от запястья к локтю. Под пальцами вилась нить вены.

Он подарит Эйо дом.

На землях Золотого рода стоят сотни домов, и среди них наверняка отыщется тот, который подойдет для маленькой альвы.

Она переворачивается на живот и тем самым оказывается ближе, настолько близко, что Оден не выдерживает. Ее легко поймать, потому что этот запах — серебра, вереска и меда — ни с каким другим не спутаешь.

— Отпусти! — Эйо не вырывается. — Ты ж себе больно делаешь, собака бестолковая.

— Разозлить пытаешься?

Ему просто нравится, что она рядом. Эйо — значит радость.

Зачем мир, в котором нет места радости?

Где-то на границе сознания слышен звонкий, медный смех Туманной Королевы.

Глава 11

Грозные птицы

Пятнадцать дней дороги.

Мелочь по сравнению с тем, что было, но почему-то мне кажется, что эти дни изменили меня сильнее, чем предшествовавшие им семь месяцев.

Что я помню?

Лабиринты городских крыш, отражение городских же подвалов. Затянувшаяся игра в прятки, где каждая тень виделась мне ловцом. Сон урывками. Снова голод, от которого я почти отвыкла. Страх, что подгонял куда надежней хлыста. И голос разума, призывавший сидеть на месте.

Меня тянуло к городским стенам, за которыми виделась свобода, но в то же время я понимала, что именно там и будут ловить.

И заставляла себя ждать: пусть те, кто вышел на охоту, устанут первыми.

Тем более что осень на пороге. Дожди.

Кому охота мокнуть?

Город я в конце концов покинула и даже не знаю, существовала ли та придуманная мной опасность на самом деле либо же являлась сугубо плодом моего воображения. Как бы там ни было, но свобода оказалась мокрой.

Той осенью небо устало от войны и лило, лило воду, пытаюсь землю утопить. Помню серую пелену и лес, почти уснувший, недовольный моими попытками его разбудить. Дороги, заполненные беженцами: псы рядом, спасайтесь кто может. А кто не может... на обочинах всегда есть канавы.

И я научилась избегать дорог.

Все спешили к морю, словно надеялись, что в легендарных Прибрежных Бастионах хватит места и для них тоже. Семьями ехали. На низких, широких телегах умещались все: и старики, и женщины, и дети. Возвышались клетки с птицей, в загонах лежали спутанные свиньи, козы, овцы. Корову, если случалось такое счастье, что корова еще была, привязывали.

Осенью я научилась воровать.

Начала еще в городе, но там было проще: в толпе легко затеряться, а здесь же люди следили за своим добром. Но у меня получалось. Всю зиму я оттачивала мастерство, пробираясь от одной деревеньки к другой. Пожалуй, даже позапрошлая зима, которую я встретила в лагере, далась мне легче. Там я хотя бы не была одна. Нынешняя кружила, испытывала вьюгами, метелями, морозом, которого никогда не случалось в здешних краях. Но, видимо, правы были те, кто говорил, будто эта война разбередила старые раны мира.

Псы и те остановились.

Во всяком случае, так говорили. А я слушала разговоры, когда получалось подойти ближе. И упрямо шла к Перевалу.

Как получилось, что я не замерзла где-нибудь в лесу? Не сдохла от голода, хотя порой доходила до того, что грызла обиндедевскую кору, только чтобы заглушить ноющую боль в животе? Не стала добычей волчьих стай?

Повезло, наверное.

Милостью лозы, как сказал бы папа, но после того, что довелось увидеть, я в милость

лозы не верила. Первый месяц весны принес новости о перемирии, которого все ждали со страхом. Было очевидно, что альвы не удержатся на берегу. И в очередном безымянном городке, полном бродяг, — воровать еду становилось раз от раза трудней — я узнала, что альвы уходят.

Что испытала?

Облегчение, пожалуй: вряд ли кто теперь вспомнит о девчонке, сбежавшей из храма... И ладно бы просто побег, на побег закрыли бы глаза, но вот убийство Матери-жрицы — дело другое...

В моих кошмарах она пыталась откупиться черными алмазами. Но я-то знала, откуда они берутся.

Вряд ли этот храм существует теперь.

Радоваться бы... мечь, пусть и совершенная чужими руками, должна приносить удовлетворение, но радости нет. Тоска только. Обида.

Я помню, как нас привезли и вывели в пустой двор. Середина лета. Жара. Дурманящий аромат невестинного покрыва, который растет в каменных кадках. Легкий навес на лианах колонн. И белоснежное платье Матери-жрицы...

Ее мягкий голос.

Одуряющий аромат еды.

Бронзовый котел на кривых ножках вынесли прямо во двор. Мать-жрица сама орудовала черпаком, наливая густую мясную кашу в миски. К каждой из нас подходила, касалась щеки — мы были грязны, но она не брезговала грязью — и говорила:

— Возьми, дитя. Тебе больше нечего бояться...

Ее глаза — теплая зелень.

Ее голос нежен, словно свирель. И да, в тот миг не было женщины прекрасней, чем она.

— ...здесь твой дом.

Я забыла о голоде, об усталости, о своей клятве немедленно сбежать, я готова была отдать ей свое сердце, лишь бы она задержалась еще на мгновение рядом со мной.

Сложно поверить в чудо, а поверив — добровольно от него отказаться.

Бросить место, где кормят регулярно и сытно, где есть собственная комната, пусть и крохотная, кровать с мягким матрасом, набитым травами, пуховым одеялом?

Да ни в жизни.

Ни охраны, ни заборов, ни собак. Зачем, когда есть горячие источники и купальни, паразитальное, забытое уже ощущение чистоты. И молоко с овсяным печеньем на ночь.

Занятия.

И необременительная работа, только затем, чтобы почувствовать себя полезными.

Мы и чувствовали, обживались, пускали корни в местную неторопливую жизнь, верили, что уж она-то — настоящая. Но однажды я увидела больше, чем следовало.

Я всегда была чересчур любопытной. Наверное, поэтому еще жива.

О тех, кто остался при храме, лучше не думать.

И не притрагиваться к черным, точно обуглившимся, алмазам, которые каждую ночь мне пытаются всучить, уговаривая, что камням уже не больно. Боль — это миг, а камни вечны.

Так чего бояться? И зачем бежать?

Но полдень — неподходящее время для мыслей о полуночных страхах. Я стряхиваю остатки дремы, потягиваюсь и прислушиваюсь.

Нет, не примерещилось.

— Подъем! — Я щелкнула Одена по носу. — Гроза скоро...

Принюхался. Нет, дорогой, ты пока не услышишь. Гроза где-то далеко, я чувствую ее приближение через землю и ветер, через замершую реку, которая желала бы напиться. Через опасения старого вяза, под которым мы устроили привал: дерево не уверено, что выдержит напор ветра. Оно столько уже гроз пережило, что каждая рискует стать последней.

Совсем скоро воздух загустеет, пропитается травяно-цветочными ароматами, исчезнут пчелы и шмели, птичий гомон стихнет.

Хорошо бы укрытие отыскать.

Все эти дни мы шли вдоль ручья, превратившегося в реку. Она же, вбирая подземные родники, ширилась, разрасталась, обзаводясь омутами и плесами, низкими топкими берегами, на которых прорастал рогоз. Его сердцевина была вполне съедобна. А в реке водилась рыба...

И еще беззубки.

И тот же мучной орех время от времени встречался. А Оден дважды выводил на гнезда куропадок.

С ним было неладно. Нет, Оден вовсе не стал обузой, как я того опасалась. Безусловно, одна я двигалась бы много быстрее и вряд ли решилась бы сунуться на луга — не люблю открытых пространств. И себя прокормить много проще, чем себя и кого-то кроме, но... сейчас мне было странно думать, что я могла пройти мимо.

Еще бы понять, что с ним творится.

Его раны затягивались довольно быстро, уступая травам ли, моим ли неуклюжим арканам или же врожденной его выносливости. Полагаю, уже одно то, что Одена перестали мучить, способствовало его выздоровлению. Как бы там ни было, но с каждым днем он все меньше походил на живой труп. Глаза перестали гноиться. И язвы на деснах почти исчезли, пусть Оден и плевался от вкуса молодых еловых игл. Как по мне, так даже ничего, кисленькие...

У него и ногти отрастать начали, такие тоненькие мягкие пластины поверх розовой кожи.

Вот только зрение не возвращалось. И отпечаток решетки на спине оставался неизменен. Аккуратные дырочки с белыми краями не гноились, но и не спешили зарастать, напротив, каждый вечер сочились сукровицей, словно издевались.

Моих сил явно не хватало, чтобы закрыть их надолго.

А если бы сил стало больше? В разы? В десятки раз?

Вряд ли снять это клеймо сложнее, чем изменить суть алмаза, наполнив камень предвечной чернотой.

Неправильные мысли, Эйо. Опасные. И прежде всего — для тебя самой.

Поэтому — молчи.

Мы успели добраться до скальной подошвы, когда грянули первые раскаты. Небо стремительно потемнело. Налетел ветер и, закружив сухое былье, швырнул его в лицо.

Весенние грозы опасны.

Синяя молния расколола небо.

— Скорей! — Я схватила Одена за руку и потянула наверх. Чутье подсказывало, что где-то рядом есть укрытие. Неважно, пещера, разлом, просто канава, но хоть что-то.

И в то же время гроза звала. Она звенела далекой грозной медью, скулила, словно храмовые флейты, и в извивах ветра мне виделась фигура Матери-жрицы.

Танцуй, Эйо, танцуй... ты же слышишь, как мир зовет?

Черный зев пещеры вынырнул из сумрака. Узкая. Тесная. И воняет серой, все-таки источники близки, как вода и обещала. Но ничего, главное, что Одну места хватит.

Железные псы не очень-то с грозами ладят.

— Осторожно!

Он все же шибанулся лбом. Запоздало выставил руки, нащупывая проход, и, опустившись на четвереньки, пополз. Вот так.

А первые капли коснулись земли. Нежно, лаская...

— Эйо!

— Нет... извини, но мне надо.

Надо спрятаться. Закрывать уши. Не поддаваться.

Но в небе кружились грозовые птицы и звали меня. По имени, по крови: пусть ее была лишь половина, но птицам достаточно. Их перья отливали всеми оттенками синевы. И само небо лежало на крыльях. Гроза звала.

Она так давно меня звала, а я не слышала.

Пряталась.

От чего? Разве мир не стоит того, чтобы быть услышанным?

Я стянула ботинки, отправив их в пещеру. Птицы торопили. Нельзя пропускать свою первую грозу... Она шла с юга, от моря. Зачерпнув соленые воды, несла их для меня. И кусок синего неба. Десяток беспечных звезд. Сотню нитей, что заставляют мир дрожать в предвкушении.

Скорее, Эйо, тебя ждут... только тебя и ждут.

Избавиться от одежды — ком швырнула, не глядя, уже не боясь, что вымокнет.

Ветер кружил. Ласкал кожу, царапал когтями пыли и тут же зализывал нанесенные раны. Там, выше, надо мной открывалось сердце грозы. Оно стучало и звало.

Лети, Эйо, танцуй.

Отпусти себя, послушай, как гроза поет. Тяжелые горячие капли касаются кожи...

Желтые ветви молний прорастают на небе. Одна за другой. Все ближе и ближе.

Камни трещат.

И вода, всюду вода... кружись, Эйо. Быстрее. Легче.

Не бойся ничего. Вспомни, как молнии садились на раскрытые ладони Матери-жрицы. Выше руки. Попроси у неба... оно отдаст...

И я тянулась, умоляя позволить прикоснуться. Я ведь тоже могу подержать молнию в руках... хотя бы мгновение. Небо почти согласилось. Оно потянулось ко мне, сбрасывая один за другим покровы черноты, пока не осталось яркого, ослепляющего сияния новорожденной молнии.

Моей.

Сейчас она сорвется огненной каплей и развернет в полете рваные крылья.

Опустится мне на ладонь...

Признает Эйо...

Я задержала дыхание.

И оказалась на земле, придавленная немалым весом пса.

Что он тут делает?

Пусть убирается! Это моя молния! И только моя! Я выпью ее до дна...

Он что-то кричал в лицо, а я не слышала. Я молча отбивалась, пытаюсь выскользнуть из

обьятий пса, но Оден не собирался отпускать. Небо весело грохотало, а молния, моя молния, ударила в камни. Брызнул гранит, и волна жара прокатилась по коже.

Вот и все.

Я заплакала от огорчения. Я ведь ждала эту молнию так долго... грозы меня не звали. Всех, но не меня. Мать-жрица учила их слушать, и я старалась, я очень старалась, я знала, что старше многих, но... грозы меня не звали.

А когда наконец откликнулись, вмешался этот пес.

Он поднял меня на ноги рывком и потянул к пещере, не обращая внимания на вялое сопротивление. Пусть уйдет. Я попробую еще раз... пусть только уйдет.

— Ни за что. — Оден прижал меня к себе. — Слышишь? Ни за что!

Он был зол. И страшен. Я даже подумала, что еще немного, и Оден обернется. Но нет, он втолкнул меня в укрытие и сам заполз.

Стащил мокрую рубашку, сапоги и сказал:

— Иди сюда.

Не хочу. Ненавижу.

— Эй, не глупи, иди сюда. Ты вся вымокла. И замерзнешь.

Мне жарко, там, внутри, горит огонь, а если бы он не вмешался, то... огня стало бы больше.

Оден на четвереньках двинулся ко мне, а отступить было некуда. Я выставила руки, уперлась в его плечи и когтями пропорол, но он даже не поморщился. Сгреб в охапку, прижал к груди:

— Успокойся. Гроза сейчас уйдет.

Вот именно. И молнии с ней. И они не вернутся. Я так долго ждала, а теперь... теперь грозы подумают, что я их недостойна.

— Ты не пугай меня так, ладно? — Оден провел ладонью по волосам, мокрым и тяжелым. — Слышишь, стихает?

Слышу. Птицы поднимаются выше и выше. Они расскажут другим обо мне. И больше никто не захочет подарить мне молнию.

— Почему не предупредила, что тебя зовут? Я ведь только слышал о таком...

Каком?

— О том, что грозы лишают вас разума. Если бы сразу сообразил, я бы тебя не выпустил.

Я не сумасшедшая. Просто молния... она такая красивая. Кажется, вслух говорю, ну и пусть. Я бы не сделала ей больно. Подержала бы в руках. У Матери-жрицы получалось приручать молнии.

И отдавать их силу камням.

Эти алмазы были желтыми или красными, не как рубины, алмаз ведь все равно алмаз. Но черные — дороже всех. И я сбежала. Я не хотела становиться камнем, хотя, наверное, очередь пришла бы не скоро, ведь только сейчас меня позвали грозовые птицы.

А он помешал.

— Ты бы сгорела, девочка.

Нет!

— Да. Ты бы не справилась с этой силой. Вымесок не удержит полную жилу, а ты — молнию. Не обижайся, но ты не настолько альва.

А кто тогда?

— Радость. — Он гладил плечи и спину, ногами сжал мои ноги, не позволяя

высвободиться. И прижимал так крепко, что мне вдруг стало очень неудобно.

Он ведь все-таки мужчина.

— Не надо бояться. — Оден тихо засмеялся. — Я не трону тебя. — И зачем-то добавил: — Я знаю, за кем охотятся грозы.

Откуда? Он вообще знает как-то слишком уж много.

— Гримхольд — это граница, и там... всего хватало. Однажды мне пришлось разбираться с крайне неприятным делом.

Гроза откатилась довольно далеко. И ко мне постепенно возвращалась способность думать.

Лучше бы не возвращалась.

— Тогда я много нового для себя узнал. В том числе про грозы. Я ведь спрашивал. Раньше. Почему не сказала?

Потому что не настолько ему верила.

А сейчас?

И сейчас не верю, но выбора особо нет. С учетом его осведомленности.

А еще, кажется, гроза не прошла для меня даром.

— Оден...

Безумие полное. Но жар в груди нарастал и грозил сжечь. И волосы начали сухо потрескивать, а по коже нет-нет да пробежали огненные змейки.

А если бы я и вправду молнию поймала?

— Нахваталась?

Его пальцы скользнули по щеке и коснулись губ.

Значит, граница. И полукровок там хватало. И грозы за кем-то приходили. Наверное, не только с грозами дело имел. Тогда чего ждет?

Мне плохо.

— Помоги. Пожалуйста.

Самой не удержать эту заемную силу... полыхну вот-вот.

Оден не позволил.

Нет, я целовалась... давно, в прошлой жизни, тогда мне уже исполнилось четырнадцать, а он, сын найо Риато, был на два года старше. В то время два года выглядели непреодолимым препятствием. Но не настолько непреодолимым, чтобы не спрятаться за амбаром, — у мамы имелись собственные представления о том, как должна вести себя девушка... От тех поцелуев осталось полустертое ощущение неудобства, любопытства, лакрицы и сигарет.

С Оденом иначе.

Я лишь делюсь накопленным жаром. Я лишь... губы у него жесткие. И никакой лакрицы.

Стыда, впрочем, тоже.

— Так хорошо?

— Да.

Жар ушел. И радоваться бы, что малой кровью обошлось.

— Больше помочь не надо? — Отпускать меня он не собирается.

— Нет.

— Жаль.

Это издевка? Но Оден тихо вздыхает:

— Спи, моя радость.

Утро началось... о да, утро началось.

С головной боли. С предательской слабости, когда руки трясутся настолько, что флягу к губам поднести не могу. С преме́рзкого вкуса во рту и раздувшегося языка, который, казалось, вот-вот заткнет глотку. Тогда я задохнусь.

В носу свербело и хлюпало, а глаза слезились даже от того слабого солнечного света, который проникал в пещеру. Хуже всего, что я помнила все случившееся накануне. И приближение грозы, чей голос манил, обещая поделиться силой. И собственное внезапное безумие — сейчас я прекрасно понимала, что если бы не Оден, то от меня осталась бы горстка пепла.

Молнию выпить...

Да, Мать-жрица танцевала в грозу, она сама звала грозу, хватало силы. И молнии слетались к ней на руки, а она подносила огненные шары к губам. Лицо ее в этот миг теряло всякую красоту. Небесный свет стирал кожу, и я видела лишь серые мертвые мышцы, сквозь которые просвечивала кость. Длинный язык разворачивался, погружаясь в молнию, и свет наполнял уродливое вдруг тело.

Глоток за глотком, до самой последней капли.

А взамен на подставленный поднос падает камень — желтый алмаз. Или красный. Изредка — синий. Она отрывала их, вытирала губы батистовым платком, а потом протягивала руку для очередной молнии. И все повторялось.

Наверное, этих камней не хватало, если храм решил связаться с такими, как я.

Сколько лет было Матери-жрице?

Никто не знает. Но поговаривали, что она — ровесница самой королевы Мэб. И уж точно в состоянии удержать силу. А я... пары грозовых разрядов хватило, чтобы засиять.

Было мучительно стыдно.

И за танцы на камнях. И за то, что позже случилось... и вообще за все сразу.

— Я знаю, что ты проснулась. — Оден сидел у входа в пещеру. — Вылезай, пока совсем не околела.

Совет был своевременным.

— Твоя одежда здесь. Сушится. Если меня стесняешься, в плащ завернись.

Стесняться в лагере я быстро отучилась, но плащ прихватила сугубо потому, что с плащом теплее.

Небо было чистым и ясным, от вчерашней грозы — ни облачка. Разве что камни отмыла дочиста. Гранит всех оттенков алого поблескивал слюдяными жилами, словно вышивкой. Сквозь трещины пробивалась трава, раскрывались белые венчики быстроцветов. Уже к вечеру плотные пока бутоны иссохнут и осыплются, не в силах перенести наступление темноты.

— Эйю! — Оден повернулся ко мне. — Пожалуйста, не отходи далеко. Здесь сильно пахнет серой. Я не хочу тебя потерять.

— Не буду.

Я расстелила плащ и легла, позволяя солнцу самому прогнать холод. Бывало и хуже. К полудню отпустит, а завтра и вовсе забудется. Главное, чтобы гроз не случилось.

Оден перебрался поближе и руки на плечи положил:

— Мышцы размять надо. Ты в первый раз грозу слышишь?

— Да.

Он надавил большими пальцами на позвоночник, сильно, но осторожно. И все равно было больно, я с трудом сдержалась, чтобы не сбросить его руку.

— Тебе восемнадцать.

Знаю, о чем он думает: поздно. В храме я была самой старой, и Мать-жрица долго сомневалась, стоит ли тратить на меня время. Потом сказала, что чем позднее, тем дороже.

Наверное, она бы порадовалась: из меня получился бы красивый камень.

— Ты понимаешь, что теперь тебе надо избегать гроз?

Не всех, только тех, которые идут с юга. Еще пару недель, и сезон закончится. А там до осени будет спокойно... как-нибудь справлюсь.

Или решу проблему раз и навсегда.

Решусь решить.

Оден растирал мышцы. Холод уходил вместе с головной болью и тошнотой, стыд и тот исчез. Осталось любопытство.

— Что ты еще знаешь?

— Эй, я не в курсе всех тонкостей...

И замечательно, поскольку в ином случае самым разумным вариантом с моей стороны был бы побег.

— ...но если ты почувствуешь неладное, пожалуйста, скажи. Вчера я чудом тебя нашел. Много воды. Сера. Запахи мешаются. Я не хочу, чтобы подобное повторилось.

Я тоже.

Он замолкает, я закрываю глаза, проваливаясь в мягкую уютную полудрему. Когда Оден вытягивается рядом, не протестую. Так даже лучше.

Надежней.

Потом будет вечер. И вода, подсказавшая путь к чаше, в которой открываются горячие ключи и подземные источники черной земляной крови. Там мешаются с грязью и серой, и смесь несет в себе глубинную чистую силу земли. Правда, при этом источает сладкий запах гнили, от которого Оден начинает чихать.

На лице у него написано глубочайшее отвращение, но все же он уступает уговорам и ныряет в грязь.

А я замечаю, что раны на его спине частью затянулись. Некоторые — совсем, и следа не осталось, другие — наполовину, третьи, коих большинство, остались прежними, но...

...но, значит, дело в силе.

— Почему оно так воняет? — Оден запрокидывает голову, пристраивая ее на каменном выступе.

— Лежи. Я скоро.

Здесь неподалеку есть еще одно озерцо, дно которого покрыто ковром толстых раковин. Каждая — в две моих ладони. Над раковинами поднимаются тонкие стебельки, при легчайшем прикосновении они прячутся под перламутровые панцири.

Я слышала, будто каменные моллюски вкусны.

Вечером и проверим...

Раковины отламываются легко, достаточно просунуть лезвие ножа между дном и панцирем и чуть-чуть надавить. Хруст, правда, громкий, но мне не страшно быть услышанной.

К моему возвращению Оден придремал. Впрочем, не открывая глаз, попросил:

— Все-таки не отходи.

— Не буду.

Я бы тоже погреться не отказалась. И теоретически в чаше хватало места для двоих или даже троих, но... почему-то эта мысль показалась мне неудачной.

Глава 12

Маски

Две недели, нанизанные на золотую нить.

И с каждым днем она становится ярче. Если вначале Виттар убеждал себя, что принимает желаемое за действительное, то теперь сомнений не осталось: Оден был жив. И где бы он ни находился, ему становилось лучше. А значит, рано или поздно он выйдет на патруль ли, на заставу, к гарнизону или к городу. Есть еще королевские ищейки, объявленная награда...

И в сумме неплохие шансы спастись.

Нужно верить.

Ждать.

И найти себе занятие. Собственно, поэтому Виттар и согласился на эту встречу.

Кагон из рода Темной Ртути соизволил прибыть вовремя. Он появился на пороге дома в сопровождении четверых сородичей, которых взял скорее из желания подчеркнуть свой статус, нежели из недоверия к хозяину.

А вырядились... Виттар не без удивления разглядывал чеканные узоры на панцирях кирас, рукояти мечей, сияющие драгоценными камнями, и грозные с виду накладки-шипы на сапогах. Красиво. Но совершенно бесполезно.

— Рад приветствовать райгрэ Виттара! Пусть не иссякнут жилы, питающие род Красного Золота. — Кагон поклонился, но не слишком низко, всем видом демонстрируя, что лишь отдает дань обычаю, не более того.

— И я рад приветствовать тебя в моем доме. Между нашими родами нет вражды.

Впрочем, и мира тоже.

И странно, зачем Кагон столь яростно добивался встречи?

Или слухи дошли о новом законе?

Или другие слухи, которые были неизбежны, пусть и не имели на сей раз ничего общего с правдой?

Или дело в чем-то третьем?

Следует признать, что однажды Кагон уже попытался использовать Виттара. Ртуть хитра. И самонадеянна. Пожалуй, она выпуталась из войны с наименьшими потерями и теперь, верно, прикидывала, как распорядиться удачей. Слышит ли Кагон, как скрипит камень и умирает железо, кормившее жилы Великих домов?

— Прошу. Твоих людей проводят в гостиную...

Благо по прошествии этих двух недель гостиные дома если не вернули себе прежнее обличье, то хотя бы от пыли и пауков избавились.

Стекла вдруг обрели былую прозрачность. Скрипящие дверные петли излечились от скрипа. Засияли хрусталь и паркет, а на семейных портретах вновь можно было различить лица.

И главное, готовить стали почти как прежде.

Вначале Виттар собирался принять гостя в библиотеке, но в последнюю минуту передумал: повел в кабинет, широкие окна которого выходили на тисовую аллею.

— Старые дома обладают неизъяснимой прелестью, — сказал Кагон, проводя ладонью

по отполированным перилам. — Их стены столько всего помнят... в них истинное сердце рода.

Он осматривался, не скрывая любопытства, и Виттар с тоской подумал, что, вероятно, за этим гостем последуют и другие. А он никогда не понимал прелести этих ни к чему не обязывающих, но притом почти обязательных визитов вежливости. Трата времени, да и только.

Пустота на подносе для визитных карточек его более чем устраивала.

— Надеюсь, наш разговор не затянется надолго? — В кабинете неуловимо пахло Торой. Она открыла окна? Кто же еще... И на полке каминной порядок навела. Ожили массивные часы из оникса и серебра и механический соловей, обретавший под стеклянным колпаком.

След Торы вплетался в рисунок комнаты. Жаль, что сама она предпочитала избегать Виттара.

Пока он позволял ей это.

— Я знаю, как сильно вы заняты. Да и вопрос, в сущности, пустяковый.

Кагон позволил себе откинуться на спинку кресла. Руки положил на подлокотники свободно и ногу на ногу закинул. Еще немного, и его поведение можно будет назвать развязным.

— Дело в моей... племяннице.

Начало Виттару не понравилось.

— Я бы хотел избавить вас от необходимости опекать ее.

Продолжение не понравилось еще больше.

— Сожалею, что по моей вине вы попали в крайне неловкое положение. И полагаю, исключительно врожденное благородство... — Кагон умел говорить, и это умение приносило ему пользы ничуть не меньше, чем сила высших.

Его речь была плавной, неторопливой, убаюкивающей.

Словесное кружево оплетало Виттара, и, пожалуй, не останься черный опал в перстне черным, Виттар заподозрил бы гостя в применении родовой силы.

Но перстень молчал. А Кагон продолжал вывязывать речь, слово к слову, петля к петле.

— Мне известно ваше... неоднозначное отношение ко всему, что связано с альвами...

И зачем ему понадобилась Тора?

Или не ему?

— ...поэтому наилучшим вариантом разрешения данной проблемы будет возвращение Торхилд домой, — завершил речь Кагон.

Ему чуть за сорок. Высок. Неплохо сложен. Кость легкая, что в общем-то характерно для Ртути, равно как мягкие черты лица и золотистый оттенок кожи. Виттар, не скрывая интереса, разглядывал собеседника. Волосы светлее, чем у Торы, скорее всего, примесь другого рода. Олово? Или Свинец? Радужка с зеленоватым отливом, значит, и Сурьма в крови отметилась.

А вот шесть родинок на щеке — от высших. Кто и когда подгулять успел? Но главное, что давно, поколения с три назад, поскольку вымылись, поблекли, и Кагон подкрашивает их, пытаясь выделиться.

И вправду наверх метит? Одной краски мало.

— Ее дом теперь здесь. — Виттар понял, что ему больше неинтересно.

— Позвольте, но...

Прямого взгляда Кагон не выдержал, даже не попытался, сразу глаза отвел.

— Две недели назад она была тебе не нужна. Что изменилось?

— Мне крайне неудобно, что мое поспешное решение поставило вас в...

— Врешь. Правду.

У лжи особый аромат, пожалуй, старого выдохшегося пива. Или прокисшего молока. Или еще пота, который выступил на ладонях Кагона.

— Ну? — Виттар положил руки на стол, позволяя живому железу выбраться. Серебряные капли проступали на коже, сплетаясь в чешую.

— Вы... признали меня гостем.

— Признал. И здесь не трону. Но брошу вызов.

А в прямой схватке у Кагона шансов нет.

— За что?

— За ложь. И... просто хочется. — В конце концов если Виттара считают бешеным, то почему бы не воспользоваться репутацией.

Конечно, если бы Кагон боялся не так сильно, он бы понял, что вызвать его без веской причины нельзя: закон защищает слабых.

— Его величество...

— Вмешиваться не станет. Но я лишь хочу понять, что заставило тебя прийти сюда и лгать мне. Или ты считаешь себя умнее?

Считает, но в жизни не признается, что более чем разумно.

— Итак?

Догадка лежала на поверхности, но Виттару это совершенно не нравилось. Он все же надеялся, что ошибся.

— Кому понадобилась Тора? — Живое железо забиралось выше, обвивая предплечья, отзываясь ноющей болью в костях, готовых измениться при малейшем намеке на опасность. Виттар и вправду ходил по грани. И в данный момент испытывал огромное желание грань переступить. Просто ведь.

Есть Кагон по ту сторону стола. Белое горло. Синие вены. Пульс, который Виттар слышит, и чужой страх пьянят. В венах — кровь.

Кровь сладкая, Виттар помнит.

Должно быть, он выглядел по-настоящему жутко, если Кагон произнес:

— Атрум из рода Лунного Железа.

Высший. И что пообещал взамен? Не деньги, в деньгах Ртуть не нуждалась. Поддержку в Совете? Покровительство? Кагон расценил молчание по-своему.

— Я готов возместить вам ущерб, предоставив другую девушку... Ртуть — большой род... — У Кагона найдется с полдюжины племянниц подходящего возраста. — У вас будет выбор. Моей дочери исполнилось шестнадцать...

Даже собственную дочь? Все-таки Виттар поспешил счесть беседу не представляющей интереса. Если дело в новой любовнице, то почему Атрум не воспользовался столь чудесной возможностью выбора?

Очевидно, ему нужна именно Тора.

Для чего?

— Вы согласны?

— Нет.

Живое железо не желало отступать. Оно слишком явно помнило азарт последней охоты.

— Если Атрум хочет получить эту женщину, пусть придет ко мне сам. — Но вряд ли он

решится. — Или бросит вызов.

Что еще менее вероятно. Атрум много сильнее райгрэ Ртути, но все же слабее Виттара. И значит, попытается действовать в обход.

— Он меня уничтожит, — тихо произнес Кагон.

Выглядел он жалко, но сочувствия Виттар не испытывал. Возможно, на смену Кагону придет действительно толковый райгрэ, такой, который не будет вышвыривать слабых за порог дома.

— Пожалуйся королю.

Жалоба будет, в том числе и на Виттара.

Но все законно.

И Торхилд не покинет дома.

Она стояла внизу, окруженная четверкой бывших сородичей. Ее резкий пряный запах сказал Виттару все, что он желал знать. Дополнить картину было несложно.

Сервировочный столик опрокинут. На полу ваза с цветами, высокий фарфоровый кофейник и четыре чашки-лилии на тонких ножках. Графин с коньяком. И белоснежные салфетки, которых, как он думал, в доме уже не осталось. Как-то очень спокойно он отметил разбитую губу. Руки, сведенные за спиной. Острие клинка, которое упиралось в шею, и длинную царапину на этой самой шее.

И самодовольное выражение на лице того, кто клинок держит.

Он так ничего и не понял. Не отшатнулся даже, когда Виттар подошел. Только в самый последний миг руку отвел, что хорошо — Виттару не хотелось бы случайно ранить свою женщину. Он забрал клинок и сжал запястье. Крепко сжал. До хруста кости.

— Ты обнажил оружие в моем доме, — пояснил Виттар, захватывая руку чуть выше. — Ты напал на того, кто находится под защитой этого дома.

Остальная троица попятилась. Вмешиваться не станут. Руки от оружия на всякий случай убрали. Верно говорят: гнилой райгрэ — гнилая стая.

— Ты оскорбил меня.

Третий перелом, и, пожалуй, хватит. Урок получился достаточно запоминающимся.

— Уходи. — Виттар повернулся к Кагону. — Ты и твои люди. Сегодня я не настроен убивать.

А ведь всерьез воспримут каждое слово. С другой стороны, репутацию поддерживать тоже надо.

Спорить не стали. Убрались. Хотя не следовало надеяться, что проблема на этом решена. Не Кагон беспокоил...

Зачем Лунному Железу Торхилд?

Она же стояла, понурившись. Чувствовала себя виноватой? Ей и вправду не следовало бы показываться на глаза сородичам, но кто ж знал, что Ртуть настолько осмелеет. Или это не смелость, но глупость? Решили, что Виттар с удовольствием избавится от докуки?

Коготь с легкостью разрезал шелковый шнур, которым были спутаны запястья. На белой коже остались розовые отметины, вид которых злил не меньше, чем запах ее крови.

— Почему ты не позвала на помощь?

Хотела что-то ответить, но в последний момент прикусила губу:

— Простите, райгрэ.

Шелестящий мертвый голос. Губы синие. И круги под глазами залегли.

Кажется, Виттар знал ответ на свой вопрос: потому что не думала, что кто-то поможет.

И если догадка верна, то его собственная стая заразилась гнилью.

В библиотеке Макэйо были самые разные книги. А Торе нравилось читать.

О других землях. Обычаях. Правилах.

О животных и растениях.

О камнях, ритуалах, источниках.

Об альвах. И о людях.

Книги часто ей помогали, и та, кажется, сама подвернулась под руку.

История мальчика, который был слабым и трусливым, и человеческая стая охотилась на него. Тогда мальчик, неспособный защититься сам, придумал другого себя. Тот другой не знал страха. Он оказался очень хитрым... и злым. Убив всех врагов, он решил, что уходить не желает. И тогда прежнего мальчика совсем не стало.

Наверное, так правильно: выживают сильные.

Так появилась Хильда.

Она, конечно, не разговаривала с Торой, как это было в книге. И никогда не занимала разум полностью, спасая Тору от мира, но все равно помогала советами.

Хильда не видела кошмаров о смерти родителей. Не дрожала, заслышав шаги за дверью. И в отличие от Торы, наверное, была способна себя убить. Например, если бы ее снова позвали к королеве.

Хильда умела слушать и запоминать. Не пряталась от Макэйо, но учила Тору вести себя так, чтобы он оставался доволен. Возможно, именно благодаря Хильде Макэйо не бросил Тору потом, когда она стала слишком взрослой для него. Макэйо завел себе новую любимицу, а Тора осталась среди редкостей. Это была спокойная жизнь, и Хильда исчезла.

Тора думала, что насовсем, но ошибалась: в этом доме она вновь стала нужна.

Хильда умеет выживать.

Она просыпается среди ночи за мгновение до того, как в замке повернется ключ. Хильда скатывается на пол и прячется под кровать, прижавшись к полу. Она не позволяет кричать, но молча проглотит пыль и закусывает до боли пальцы. Боль делает Хильду сильней.

Хильда знает, что те, кто приходят в комнату, лишь делают вид, будто не замечают Торхилд. Ее убежище ненадежно, но это — часть игры.

Им нужен страх.

И Тора боится.

Шагов. И скрипа двери. И тени, что ложится на порог. Запаха лимона, который перебивает все прочие запахи, и Тора при всем желании не сумеет узнать ночного гостя... Впрочем, их ведь много. Иногда двое. Трое. Или даже как-то четверо, в самый первый раз, когда она еще не знала, что нужно прятаться.

Она проснулась оттого, что на лицо положили подушку. Тора попробовала вывернуться, но оказалось, что ее руки и ноги держат. И кто-то шепотом отсчитывает секунды:

— Двадцать один... двадцать два...

Тора задыхалась и рвалась. А Хильда приказала успокоиться и прекратить сопротивление. Те, кто пришли, не посмеют убить, но чем больше Тора дергается, тем хуже ей будет.

И оказалась права: стоило замереть, как подушка исчезла.

— Зря ты не умерла, потаскуха, — сказали ей, наклонившись к самому уху. — Смотри, еще раз застанем в кровати, и ты пожалеешь, что на свет родилась...

Она уже жалела.

— А вздумаешь пожаловаться, подумай, кто ты такая. Потаскухе не поверят...

Тора все равно хотела рассказать про тех четверых, про подушку, про то, что она не спала до рассвета, глотая слезы. И про навязчивый лимонный аромат. Но Хильда велела молчать: даже если Торе поверят, то райгрэ вряд ли захочет ссориться со стаей. Они же, не желая напрямую нарушать приказ, не причинят Торе непоправимого вреда. И надо жить на грани.

Пока.

Хильда отыщет выход.

Ей нужно осмотреться. Разобраться. Решить.

Хильда знала бы, что делать, если бы райгрэ оставил Торхилд при себе. Возможно, он передумает, и тогда положение Торы изменится. Возможно, он не передумает, и тогда Торе лучше будет уйти. Но прежде чем уходить, она должна подготовиться.

У нее имеется доступ к продуктам, оружию, пусть с ним у Хильды не слишком-то ладилось, и к деньгам, но сейчас красть нельзя — райгрэ не настолько доверчив и в любой момент может поднять счета.

Спешить не стоит. Время еще есть.

Тора терпит. Хильда наблюдает. Ей всегда нравилось это занятие, и ее не обманет аромат лимонов. Запахи не так уж важны: все ведь очевидно.

Ненависть рождалась на кухне, среди раскаленных плит, кастрюль и котелков, которыми управляла толстая пожилая повариха. Ей не понравилось, что Тора хоть и не по собственной воле, но вмешалась в хозяйство, которое толстуха считала своей вотчиной. Впрочем, власть ее простиралась далеко за пределы кухни — слишком многие в доме были связаны с этой женщиной. И Хильде приходилось быть очень внимательной, чтобы увернуться от словно бы случайных подножек, чужих локтей и неслучайных злых тычков. Пару раз не получалось, и Торхилд натыкалась на острый угол стола или комода, на выступ каминной решетки или перила лестницы... Однажды на лестнице разлили масло. И крышка старинного клавесина — у Макэйо стоял похожий, только попроще — рухнула, едва не переломав пальцы.

Хильда успела убрать руки вовремя.

И запах масла ощутила загодя. Заставила убирать... тех ли, кто лил? Других ли?

Но этой ночью в Торхилд ткнули черенком от швабры. Было больно, но Хильда стиснула зубы: она помнит другую боль, настоящую, а эта... пара синяков, и только.

Торе надо перетерпеть.

Уже недолго.

Хильда почти определилась с тем, как уйти из дому, что взять и куда направиться.

А противостояние обострялось. На кухне падали ножи, норовя ударить по ногам. И чан кипятка перевернулся совершенно случайно. А та ступенька на деревянной лестнице наверняка просто не выдержала вес Торхилд.

Хильда точно знала: в этой игре следует поддаваться, ведь постоянный проигрыш злит противника. Злость же рано или поздно заставит переступить черту, и тогда Тора пострадает.

Она и так страдала. Каждый вечер, возвращаясь к себе, — комната запиралась, но замок не спасал от ночных гостей — Тора брала в руки синий флакон.

Всего несколько капель — и...

Флакон отправлялся в ящик туалетного столика, а Торхилд заплетала волосы, переодевалась в ночную рубашку и ложилась в постель. Она закрывала глаза и лежала,

уговаривая себя, что справится и на этот раз. Хильда сильная.

Выживет.

Но и она уставала. А усталость приводила к ошибкам, поэтому Хильда не заподозрила дурного, когда в желтой гостиной появился Аргейм и сказал:

— Пришли гости. — Смотрел он поверх головы Торы, и служанки, рьяно натиравшие хрусталь и серебро, замерли в ожидании. — Подай им кофе. Займи чем-нибудь.

Тора чувствовала подвох, но Хильда потребовала спокойствия — при посторонних тронуть Тору не посмеют. Да и разве не задача Торхилд как хозяйки дома, пусть бы и названной, встречать гостей?

На кухне уже сервировали столик на колесах. И вновь разговоры смолкли.

Нет, слуги исполняли все указания Торы быстро, точно и в срок, со старанием, в котором чувствовалась издевка. Она не может пожаловаться на лень или же нарушение приказа... а остальное — слишком зыбко.

Но Хильда все равно проверила и чашки, и блюдца, и кофе, и коньяк, и легчайшие воздушные пирожные, которые возвышались горкой.

— Вы замечательно готовите, — сказала она поварихе.

Та, фыркнув, отвернулась. Ей не нужны были похвалы, ей нужно было, чтобы Торхилд исчезла. Из кухни. Из дома. Из жизни.

И Хильда впервые подумала, что, если убить эту женщину, например, тем самым ядом из флакона, Торе станет легче. Возможно, и уходить не понадобится. Только надо сделать так, чтобы Тору не заподозрили. Об этом она размышляла, пока катила столик к гостиной, и, задумавшись, пропустила ловушку.

Торхилд поняла, в чем дело, лишь переступив порог комнаты.

— Ба! Какая встреча! — сказали ей, заступая путь. — Ты не рада, сестричка?

Ни один из четверки не был братом Торы, во всяком случае, родным. Двоюродные? Тройродные? Она почти никого не знает из рода Темной Ртути.

Тора хотела бежать. Хильда взяла со столика вилку, уже поняв, что сбежать не позволят.

— Не спеши. — Дверь прикрыли.

И ударить не вышло — руки оказались в тисках. Запястья выкручивали, пока боль не заставила выпустить никчемное оружие. Зачем Торхилд вообще сопротивлялась? Она и сама не знает. Но боролась молча, пытаясь вывернуться, лягнуть сородича, дотянуться до шеи зубами ли, коготками, слишком мягкими, чтобы навредить.

Райгрэ обещал защиту.

В доме.

И просил не выходить за пределы.

И если Торхилд выведут, то он не станет связываться.

— Угомонись! — Удар в живот выбил воздух, но не успокоил, как и пощечина. И веревка, перехватившая запястья, не усмирила. И даже лезвие, которое прижалось к горлу.

А потом вдруг появился райгрэ, и все изменилось.

Хильда с удовлетворением услышала, как хрустят кости. А потом исчезла: с райгрэ она связываться не станет. И Торе лучше молчать: если райгрэ узнает про Хильду, то сочтет Тору сумасшедшей.

Из скорбного дома сбежать вряд ли получится.

Райгрэ разглядывал Торхилд недолго. И от веревки освободил.

— Идем, найденьш. — Он положил руку на спину, подталкивая Тору к двери. — Думаю,

нам опять пришло время поговорить.

Тора поднималась, а он шел сзади и руку не убирал. Тора чувствовала ее сквозь ткань платья и нижней рубашки, но не боялась.

Устала, наверное.

А райгрэ привел Тору не в библиотеку и не в кабинет, где долго отказывались убираться, ссылаясь на то, что хозяин не будет рад вмешательству. Он привел Тору в собственные покои.

В спальню.

И... хуже все равно не будет.

В спальне Тора справится без Хильды. Она помнит, как и что надо делать.

Рука со спины исчезла, Тору развернули — ее тело больше ей не принадлежало, — и палец райгрэ приподнял ее подбородок.

— Когда ты в последний раз нормально спала? — спокойно поинтересовался райгрэ.

Давно. В последние дни Хильда требовала быть начеку.

— Ты выглядишь хуже, чем тогда, когда мы тебя нашли. И я хочу знать почему.

— У... у меня недомогания.

Райгрэ наклонился, потерся щекой о щеку.

— Лжешь, — прошептал он. — Девочка, пожалуйста, не надо мне лгать. Я очень этого не люблю.

— Вы... не поверите.

— А ты попробуй. Кого боишься? Я ведь чувствую, что боишься... не этих сегодня. А раньше. Точнее, давно... когда это началось?

— Сразу.

Его губы скользнули по царапине, собирая подсыхающую кровь.

— Я жду, — напомнил райгрэ, отстраняясь.

И Тора заговорила. Ей было стыдно. И страшно. И еще безумно колотилось сердце, как бывает после долгого бега... А райгрэ стоял, слушал, поглаживал ее шею большим пальцем, и Торе хотелось плакать от этой ласки.

Но Хильда не одобрила бы слез: мужчины их не любят.

— Вот, значит, как. — Тон этот не предвещал ничего хорошего. — Раздевайся.

Тора послушно расстегнула пуговицы на корсаже.

— И рубашку сними. — Райгрэ не стал мешать, когда она повесила платье на спинку стула. И рубашку отправила следом. Чулки.

Он подошел и, опустившись на колени, коснулся живота:

— Это откуда?

Сегодня, от сородичей. И позавчера — угол кухонного стола... а на голени — от кровати... у мебели много острых углов. Ожог — чай горячий вывернули... почему он тратит время на синяки?

Ну да, из-за них Тора перестала быть красивой. Это плохо. Красота много значит.

— Ложись в постель. — Он отбросил покрывало, и Тора поспешила выполнить приказ. Наверное, синяки ее не совсем изуродовали.

Райгрэ отошел и вернулся со стаканом:

— Сделаешь глубокий вдох.

Тора подчинилась.

— А теперь выдох и глотай... и яблочко...

Яблочная долька не спасла от пожара во рту. Едкая жидкость добралась до желудка и,

кажется, вознамерилась его расплавить. Но горечь ушла, зато осталось тепло, которого становилось все больше и больше.

— Коньяк. Другого успокоительного, извини, не имею. Сейчас озноб пройдет, и ты поспишь.

Нельзя! Во сне она беззащитна.

Райгрэ лег рядом и притянул к себе. Он гладил по голове, разминал шею, плечи, спину. Прикосновения его были нежны, однако лишены даже намека на продолжение.

Торхилд ему не нравится?

— Закрывай глаза. Засыпай, найденыш. Здесь тебя никто не тронет... засыпай. Некого бояться.

Верить нельзя, но Тора проваливалась в сон, по привычке тотчас просыпаясь, боясь пропустить момент, когда в замке повернется ключ.

Ей нельзя в кровати. Не сейчас.

— В моей — можно. И никто не придет. Поверь...

Торе очень хотелось верить. Тем более что Хильды не было.

И она сдалась.

А ночью тень коснулась лица, и Тора вскочила, чтобы оказаться в кольце рук.

— Тише, это всего-навсего я... больше тебе некого бояться.

Глава 13

Вымертвень

Оден кружил по поляне. Я, забравшись на яблоню, наблюдала. Полдень. Жара. Самое время для отдыха. Комарье и то улеглось в ожидании вечерней прохлады.

— Зачем тебе это? — Я вытянулась на суку, обхватив его босыми ступнями.

— Надо. Я давно уже не тренировался.

Но вряд ли забыл хоть что-то.

И пусть дыхание сбилось, Оден не остановится. Я уже видела этот танец, немного безумный, ломаный, подчиненный исключительно внутреннему чувству ритма...

...в доме деда много камня, иногда мне кажется, что в этом доме ничего, кроме камня, и нет. Он очень тяжелый и однажды рухнет под собственным весом. Конечно, дом стоял сотни лет до моего рождения и простоит еще сотни после смерти, о которой я, двенадцатилетняя, и близко не думаю. Мне интересно другое: я прикладываю ухо к стенам, в надежде уловить тот едва различимый хруст, который подтвердит мои опасения.

Брат хохочет:

— Глупая, что может быть прочнее камня? Смотри, это оникс...

Гладкий и холодный, черный, как драконье око. Нет, я не видела живых драконов, но Брокк обещал сделать механического. Он уже почти закончил чертежи и дал слово, что разрешит помогать. Конечно, юным леди не место в мастерской, но в виде исключения...

— ...а вот хризолит, который встречается редко. Но наш двоюродный братец ведет добычу...

[Купить полную версию книги](#)